

И С О В Ъ И Т Ы
М И Р

3

1963

НОВОЫЙ И МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIX

№ 3

Март, 1963 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВЫСОКАЯ ИДЕЙНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО — ВЕЛИКАЯ СИЛА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА. Речь товарища Н. С. ХРУЩЕВА на встрече руководителей партии и пра- вительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года	3
В. ЛИПАТОВ — Черный Яр , повесть	34
АЛЕКСАНДР ЯШИН — Огонек , стихи	114
И. ЭРЕНБУРГ — Люди, годы, жизнь . Книга пятая. Окончание	116
Д. САМОЙЛОВ — Два стихотворения	140
И. ИСАКОВ — Конец одной «девятки» (Из невыдуманных рассказов)	142
ЛЕОНИД КИСЕЛЕВ, ученик 10 класса школы № 37, г. Киев — Первые стихи	159
ДИМИТРИС ХАДЗИС — Детектив , рассказ. Перевела с новогреческого Н. Подземская	161
ХИРОСИ НУЯМА — Стихи из тюрьмы . С японского. Перевел Анатолий Мамонов	171
ПУБЛИЦИСТИКА	
ЛЕОНИД ИВАНОВ — В родных местах	174
В МИРЕ НАУКИ	
Проф. А. ЧИЖЕВСКИЙ — «Эффект Циолковского»	201
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. СУРВИЛЛО — Ответственность таланта	208
НАТАЛИЯ ИЛЬИНА — К вопросу о традиции и новаторстве в жанре «дам- ской повести» (Опыт литературоведческого анализа)	224

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Неопубликованные письма Льва Толстого. (Сообщение Л. Любимова, примечания Э. Зайденшнур).— Забывтое интервью с Львом Толстым. (Сообщение В. Л.).	231
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Н. Коржавин. Лирика Маршака.— М. Рощин. В испытанном жанре.— З. Паперный. Устная книга.— В. Лакшин. Две биографии.— Александр Дейч. Об эстетике А. В. Луначарского.— Т. Мотылева. Перечитывая Бехера.	239
<i>Политика и наука</i>	
В. Смолянский, кандидат экономических наук. Соревнование и сосуществование.— П. Горностаев. Большая жизнь.— Д. Горин. Малополезный сборник.— В. Твардовская. Петрашевский и петрашевцы.— К. Майданик, кандидат исторических наук. Мемуары дипломата.— Эр. Ханпира. Книга, нужная всем.— И. Ермашев. Джентльмены с «Золотого Олимпа».	262
КОРОТКО О КНИГАХ	282
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

ВЫСОКАЯ ИДЕЙНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО—ВЕЛИКАЯ СИЛА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕЧЬ ТОВАРИЩА Н. С. ХРУЩЕВА

*на встрече руководителей партии
и правительства с деятелями
литературы и искусства
8 марта 1963 года*

Дорогие товарищи! Мы с вами в течение последних месяцев встречаемся второй раз. А если учесть беседу в Центральном Комитете партии с молодыми работниками литературы и искусства, которую проводила Идеологическая комиссия, то наша сегодняшняя встреча будет уже третьей.

Материалы об этих встречах были опубликованы в печати и вызвали большой интерес. Мы с удовлетворением отмечаем, что позиция Центрального Комитета партии по вопросам искусства получила горячую поддержку творческих работников, партии и народа, наших зарубежных друзей.

В своей речи тов. Ильичев уже рассказал о том, какой живой отклик вызвало среди советской и зарубежной общественности выступление Центрального Комитета КПСС по вопросам литературы и искусства. Он справедливо отметил, как возросла у нас в стране активность творческих работников в борьбе против нездоровых тенденций в литературе и искусстве.

Интересные соображения и ряд ценных предложений высказали многие товарищи, выступавшие на этом совещании. Все это убедительно говорит о том, что вопросы, которые мы с вами обсуждаем, имеют принципиальное значение для развития социалистической культуры, советской литературы и искусства в том направлении, которое определено в Программе Коммунистической партии.

Строительство коммунизма и задачи художественного творчества

Деятельность писателей, художников, композиторов, скульпторов, работников кино и театра — всей творческой интеллигенции постоянно находится в поле зрения партии и народа. И это вполне понятно. Мы живем в такое время, когда литература и искусство, как и предсказывал Владимир Ильич Ленин, стали неразрывной частью общенародного дела.

Советский народ под руководством своей ленинской партии строит коммунистическое общество. Главная наша цель в строительстве коммунизма, я подчеркиваю это, — создание всех условий для лучшей жизни людей труда. А коммунистическое общество именно и будет обществом людей труда.

Людям органически свойственна потребность в труде. И только капитализм, поставив людей труда в нечеловеческие условия, уродует их, развращающим образом действует на отношение многих людей к труду. Те люди, которые не мирятся с угнетением человека человеком, в процессе трудовой деятельности развивают свое классовое самосознание и становятся активными борцами за интересы трудящихся, против эксплуататоров. Другие, которые руководствуются лишь личными, собственническими интересами, пассивны в общественной жизни, не участвуют в классовых боях за свержение буржуазии и построение нового общества. Третьи живут за счет чужого труда. Это — эксплуататоры, угнетатели трудящихся.

Коммунизм строится трудом и только трудом миллионов. Вот почему партия прилагает все усилия, чтобы в строительстве коммунизма активно участвовал в едином трудовом монолитном коллективе весь советский народ — рабочие, колхозники, инженеры, конструкторы, техники, учителя, врачи, агрономы, ученые, деятели всех отраслей культуры, литературы и искусства.

Теперь все видят, что усилия партии дают замечательные результаты, наш народ достиг больших успехов на пути к коммунизму. Но мы не можем закрывать глаза на те трудности, которые приходится преодолевать в строительстве нового общества. К числу таких трудностей относятся пережитки прошлого в сознании определенной части людей во всех слоях общества. Эти пережитки проявляются прежде всего в нерадивом отношении к труду, к выполнению своего общественного долга, обязанностей перед народом.

В битве за коммунизм, которую мы ведем, важнейшее значение имеет воспитание всех людей в духе коммунистических идеалов. И это составляет главную задачу идеологической работы нашей партии в настоящее время. Нам надо привести в боевой порядок все виды идейного оружия партии, к числу которых принадлежит и такое мощное средство коммунистического воспитания, как литература и искусство. **(Аплодисменты).**

Наши встречи с вами, которые стали хорошим правилом жизни, являются по сути дела своеобразными смотрами сил литературы и искусства, их творческой активности и революционной боевитости.

Партия, ее Центральный Комитет считают, что советская литература и искусство развиваются успешно и в основном хорошо выполняют свои задачи.

Но было бы очень вредным преувеличивать успехи литературы и искусства и не видеть серьезных недостатков в работе писателей, художников, композиторов, деятелей кино и театра. Каких-либо идейно-творческих провалов чрезвычайного характера не произошло, но речь тем не

менее идет о существенных недостатках, а в ряде случаев и ошибках, мириться с которыми нельзя.

Жизнь показала, это подтвердилось и в выступлениях некоторых товарищей на прошлой беседе и сегодня, что не все еще творческие работники правильно понимают задачи в области литературы и искусства, изложенные в Программе партии. Следовательно, существует необходимость еще раз разъяснить нашу партийную точку зрения по коренным вопросам художественного творчества в период развернутого строительства коммунизма.

Каких художественных произведений ждет советский народ, какие произведения он ценит и поддерживает и что он отвергает?

Литература и искусство социалистического реализма достигли больших высот художественного творчества, имеют богатые революционные традиции и пользуются мировой известностью. Во всех советских республиках созданы замечательные произведения, высокие духовные ценности, которыми справедливо гордятся народы нашей страны.

Творчество выдающихся представителей советской литературы и искусства — большая заслуга их перед народом, вдохновляющий пример служения художника своей Родине.

Что еще может доставить большее удовлетворение художнику, чем сознание того, что его талант целиком посвящен борьбе народа за построение коммунизма, что его произведения приняты народом и высоко оценены им.

Вспомните, как в свое время наш народ взял на вооружение поэзию Демьяна Бедного. В годы гражданской войны, когда советский народ в жестокой схватке с мировым империализмом отстаивал первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, с песнями Демьяна Бедного шли в бой и красногвардейцы, и красноармейцы, и партизаны. Эти песни были доходчивы для всех, понятны каждому, даже неграмотным крестьянам, находившимся в рядах Красной Армии.

В популярнейшей в то время песне «Как родная мать меня провожала» запечатлены думы народные. Поэт был в боевом строю борцов за революцию и отдал весь свой огромный талант служению великому делу освобождения трудящихся от ига эксплуататоров.

Демьян Бедный обладал удивительным даром проникновения в душу трудового крестьянина. С каким пониманием и силой художественного мастерства раскрыл он двойственность души крестьянина. В своих произведениях периода гражданской войны поэт убедительно раскрывает психологию крестьянина со всеми свойственными ему тогда чертами. С одной стороны, крестьянин очень доволен тем, что новая, большевистская власть наделила его землей, о которой он мечтал и за которую шла в то время вооруженная борьба. С другой стороны, некоторые крестьяне, получив землю от Советской власти, не проявляли понимания того, что народную власть, завоевания революции надо защищать с оружием в руках.

Огромное воспитательное значение произведений Демьяна Бедного состоит в том, что поэт с революционных позиций гневно осуждает колебания, неустойчивость крестьянина и вместе с тем разъясняет ему пагубность этих шатаний и колебаний для интересов самого крестьянства. Поэт помогает крестьянину понять, что в его интересах быть в неразрывном союзе с рабочим классом под руководством большевистской партии.

И сейчас люди моего поколения, когда встречаются вместе в праздничной обстановке, с удовольствием вспоминают свое прошлое в годы гражданской войны и поют песни Демьяна Бедного потому, что эти песни и теперь звучат свежо и современно. (Аплодисменты). Прелесть

их в том, что они напоминают о временах хотя и тяжелых, но хороших и красивых, наполняют сердца гордостью за тех, кто в труднейших условиях героически сражался за Советскую власть, за освобождение людей труда, за народ, за социализм и победил в этой борьбе.

Возьмем другой пример, убедительно показывающий, какие сильные и благородные чувства вызывает у людей подлинное произведение искусства. Видимо, большинство из вас знают памятник советским воинам в Берлине, автором которого является известный скульптор Е. В. Вучетич. Недавно делегации братских партий, присутствовавшие на шестом съезде Социалистической единой партии Германии, участвовали в возложении венков на могилы Розы Люксембург, Карла Либкнехта и других борцов, павших за дело рабочего класса.

Затем состоялось возложение венков у памятника советским воинам в Берлине. Это были трогательные минуты. Пришли сотни людей, торжественно звучала музыка, к памятнику все подходили молча, никто не мог разговаривать громко, сама обстановка влияла на людей. Величественная скульптура возбуждает чувство глубокого уважения, признательности к героическим советским воинам, преклонения перед теми, кто пал в борьбе против черных сил фашизма.

Члены Президиума ЦК и секретари Центрального Комитета партии некоторое время тому назад ознакомились с эскизами памятника Победы над фашизмом, который будет сооружен в Москве по проекту тов. Вучетича. Проект дает основание думать, что будет создано произведение реалистического искусства большой силы, воздающее славу народу-победителю и зовущее к борьбе за укрепление могущества и неприступности нашей великой социалистической Отчизны.

Замечательным произведением искусства является памятник Карлу Марксу в Москве, созданный тов. Кербелем. Скульптору удалось художественно отобразить величие гениального основоположника научного коммунизма. Невозможно пройти и не остановиться у этого прекрасного монумента.

Только выдающиеся произведения большого революционного, созидательного пафоса доходят до глубины души и сознания человека, рождают в нем высокие гражданские чувства и решимость посвятить себя борьбе за счастье людей. Авторы таких произведений достойно, заслуженно пользуются признательностью народа. К созданию произведений такой высокой идейности и художественной силы воздействия на умы и чувства людей призывает Коммунистическая партия писателей, художников, композиторов, работников кино и театра. **(Продолжительные аплодисменты).**

Нашему народу нужно боевое революционное искусство. Советская литература и искусство призваны воссоздать в ярких художественных образах великое и героическое время строительства коммунизма, правдиво отобразить утверждение и победу новых, коммунистических отношений в нашей жизни. Художник должен уметь увидеть положительное, радоваться этому положительному, составляющему существо нашей действительности, поддерживать его и в то же время, разумеется, не проходить мимо отрицательных явлений, мимо всего того, что мешает рождению нового в жизни.

Каждое, даже самое хорошее дело имеет свои теневые стороны. И самый красивый человек может иметь изъяны. Все дело в том, как подходить к жизненным явлениям и с каких позиций их оценивать. Как говорят, что ищешь, то и находишь. Непредубежденный человек, активно участвующий в созидательной деятельности народа, объективно видит и хорошее и отрицательное в жизни, правильно понимает и верно

оценивает эти явления, активно выступает за утверждение передового, главного, того, что имеет решающее значение в общественном развитии.

Но тот, кто смотрит на нашу действительность с позиций постороннего наблюдателя, не может увидеть и воссоздать правдивой картины жизни. К сожалению, бывает так, что некоторые представители искусства судят о действительности только по запахам отхожих мест, изображают людей в нарочито уродливом виде, малюют свои картины мрачными красками, которые только и способны повергнуть людей в состояние уныния, тоски и безысходности, рисуют действительность сообразно своим предвзятым, извращенным, субъективистским представлениям о ней, по надуманным ими художочным схемам.

Прошлый раз мы видели тошнотворную стряпню Эрнста Неизвестного и возмущались тем, что этот человек, не лишенный, очевидно, задатков, окончивший советское высшее учебное заведение, платит народу такой черной неблагодарностью. Хорошо, что таких художников у нас немного, но, к сожалению, он все-таки не одинок среди работников искусства. Вы видели и некоторые другие изделия художников-абстракционистов. Мы осуждаем и будем осуждать подобные уродства открыто, со всей непримиримостью.

Товарищи! Наша партия считает советское киноискусство одним из самых важных художественных средств коммунистического воспитания народа. По силе воздействия на чувства и умы людей и по охвату широчайших масс народа ничто не может сравниться с киноискусством. Кино доступно людям всех слоев общества и, можно сказать, всех возрастов, от школьников до стариков. Оно проникает в самые отдаленные районы и селения.

Вот почему Центральный Комитет партии с таким вниманием и требовательностью подходит к вопросам развития советского киноискусства.

Мы видим и высоко оцениваем достижения в области художественной кинематографии. И, вместе с тем, считаем, что достигнутое не отвечает нашим задачам и тем возможностям, которыми располагают деятели киноискусства. Мы не можем быть равнодушными к идейной направленности киноискусства и художественному мастерству выпускаемых на экраны кинофильмов. В этом отношении дела в области кино обстоят далеко не так благополучно, как представляют себе многие киноработники.

Большое беспокойство вызывает то обстоятельство, что в кинотеатрах демонстрируется множество весьма посредственных кинокартин, убогих по содержанию и немощных по форме, которые раздражают или повергают зрителей в состояние сонливости, скуки и тоски.

Нам в предварительном порядке показали материалы к кинофильму с весьма обязывающим названием: «Застава Ильича». Картина ставится режиссером тов. М. Хуциевым на киностудии им. Горького, под художественным руководством известного кинорежиссера тов. С. Герасимова. Надо прямо сказать, что в этих материалах есть волнующие места. Но они по сути дела служат прикрытием истинного смысла картины, который состоит в утверждении неприемлемых, чуждых для советских людей идей и норм общественной и личной жизни. Поэтому мы выступаем решительно против такой трактовки большой и важной темы.

Об этом можно было бы и не говорить, так как работа над фильмом еще не закончена. Но поскольку в нашей печати и в некоторых публичных выступлениях литераторов и деятелей кино всячески расхваливаются «выдающиеся качества» этого фильма, необходимо высказать и наше мнение.

Название фильма «Застава Ильича» аллегорично. Ведь само слово застава означало раньше сторожевой отряд. Да и теперь этим словом

называются наши пограничные форпосты на рубежах страны. Видимо, надо полагать, что основные персонажи фильма и представляют собой передовые слои советской молодежи, которые непоколебимо стоят на страже завоеваний социалистической революции, заветов Ильича.

Но каждый, кто посмотрит такой фильм, скажет, что это неправда. Даже наиболее положительные из персонажей фильма — трое рабочих парней не являются олицетворением нашей замечательной молодежи. Они показаны так, что не знают, как им жить и к чему стремиться. И это в наше время развернутого строительства коммунизма, освещенное идеями Программы Коммунистической партии!

Разве такая молодежь сейчас вместе со своими отцами строит коммунизм под руководством партии! Разве с такими молодыми людьми может наш народ связать свои надежды на будущее, поверить в то, что они станут преемниками великих завоеваний старших поколений, которые совершили социалистическую революцию, построили социализм, с оружием в руках отстояли его в жестоких схватках с фашистскими ордами, создали материальные и духовные предпосылки для развернутого строительства коммунистического общества!

Нет, на таких людей общество не может положиться — они не борцы и не преобразователи мира. Это — морально хилые, состарившиеся в юности люди, лишенные высоких целей и призваний в жизни.

В картине обозначено намерение показать в отрицательном плане и раскритиковать встречающихся еще среди нашей молодежи бездельников и полуразложившихся типов, которые никого не любят и не уважают; старшим они не только не доверяют, но и ненавидят их. Они всем недовольны, на все брюзжат, все высмеивают и оплевывают, проводят свои дни в праздности, а вечера и ночи — на гулянках сомнительного свойства. Такие типы с высокомерным презрением говорят о труде. Жрет этаким шалопай хлеб насущный, да еще и глумится над теми, кто создает этот хлеб своим нелегким трудом.

Свое намерение осудить праздных людей, тунеядцев постановщики фильма не сумели осуществить. У них не хватило гражданского мужества и гнева заклеить, пригвоздить к позорному столбу подобных выродков и отщепенцев, они отделались лишь слабой пощечиной негодяю. Но таких подонков пощечиной не исправишь.

Постановщики картины ориентируют зрителя не на те слои молодежи. Наша советская молодежь в своей жизни, в труде и борьбе продолжает и умножает героические традиции предшествующих поколений, доказавших свою великую преданность идеям марксизма-ленинизма и в годы мирного строительства и на фронтах Отечественной войны. Хорошо показана наша молодежь в романе А. Фадеева «Молодая гвардия». И очень жаль, что С. Герасимов, ставивший фильм по этому роману, не посоветовал своему ученику М. Хуциеву показать в своей картине, как в нашей молодежи живут и развиваются замечательные традиции молодогвардейцев.

Я уже говорил вчера, что серьезные, принципиальные возражения вызывает эпизод встречи героя фильма с тенью своего отца, погибшего на войне. На вопрос сына о том, как жить, тень отца в свою очередь спрашивает сына — а сколько тебе лет? И когда сын отвечает, что ему двадцать три года, отец сообщает — а мне двадцать один... и исчезает. И вы хотите, чтобы мы поверили в правдивость такого эпизода? Никто не поверит! Все знают, что даже животные не бросают своих детенышей. Если щенка возьмут от собаки и бросят в воду, она сейчас же кинется его спасать, рискуя жизнью.

Можно ли представить, чтобы отец не ответил на вопрос сына и не помог ему советом, как найти правильный путь в жизни?

А сделано так неспроста. Тут заложен определенный смысл. Детям хотя бы внушить, что их отцы не могут быть учителями в их жизни и за советами к ним обращаться незачем. Молодежь сама без советов и помощи старших должна, по мнению постановщиков, решать, как ей жить.

Что же, здесь довольно ясно выражена позиция постановщиков кинофильма. Но не слишком ли вы хватили через край? Вы что, хотите восстановить молодежь против старших поколений, поссорить их друг с другом, внести разлад в дружную советскую семью, объединяющую и молодых и старых в совместной борьбе за коммунизм? Можем со всей ответственностью заявить таким людям — ничего у вас из этого не выйдет! (**Бурные аплодисменты**).

В наше время проблема отцов и детей не существует в таком виде, как во времена Тургенева, так как мы живем в совершенно другую историческую эпоху, которой присущи и другие отношения между людьми. В советском социалистическом обществе нет противоречий между поколениями, не существует проблемы «отцов и детей» в старом смысле. Она выдумана постановщиками фильма и искусственно раздувается не в лучших намерениях.

Так мы понимаем отношения людей в нашем обществе и хотим, чтобы эти отношения находили правдивое отображение в произведениях литературы, в пьесах, кинофильмах, музыке, живописи — во всех видах искусства. Кто этого еще не понимает, пусть задумается, а мы поможем им занять правильную позицию.

Позволительно спросить режиссера фильма товарища Хуциева и его шефа товарища Герасимова, как могла возникнуть у них идея такой картины?

Серьезные ошибки фильма очевидны. Казалось бы, что деятели кино, которые видели его, должны были откровенно и прямо сказать об этом режиссеру. А происходило вокруг картины нечто невероятное. Еще никто не видел фильма, а уже развернулась широкая рекламная кампания в международном масштабе, как о самом выдающемся «из ряда вон выходящем явлении в нашем искусстве». Зачем это нужно? Нельзя так поступать, товарищи, нельзя!

Партийность и народность — важнейший принцип нашего искусства

В последние годы в своем творчестве деятели литературы и искусства уделяют большое внимание тому периоду в жизни советского общества, который связан с культом личности Сталина. Все это вполне объяснимо и закономерно. Появились произведения, в которых правдиво с партийных позиций освещается советская действительность тех лет. Можно было бы привести, как пример, поэму А. Твардовского «За далью — даль», повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», некоторые стихи Е. Евтушенко, кинофильм Г. Чухрая «Чистое небо» и другие произведения.

Партия поддерживает подлинно правдивые художественные произведения, каких бы отрицательных сторон жизни они ни касались, если они помогают народу в его борьбе за новое общество, сплывают и укрепляют его силы.

Все знают, какую важную роль играет сатира, в частности басни. Товарищ Михалков, например, часто выступает в этом жанре. Сатира — это как острая бритва; показать наросты человека и сразу, как хороший хирург, срезать их. Но оружием сатиры надо уметь хорошо пользоваться, как хирург пользуется своим ножом, с тем, чтобы срезать вредный

на рост и не повредить организм, не причинить ему вреда. Здесь нужно мастерство. Если не овладел этим мастерством, то не берись, потому что причинишь вред другим, да и себе руки обрежешь. Правильно поступают матери, когда не дают острых вещей детям, пока они не научатся пользоваться острыми вещами. **(Оживление в зале, аплодисменты).**

При всем этом мы считаем необходимым обратить внимание всех творческих работников на некоторые ошибочные мотивы и тенденции, сказывающиеся в произведениях отдельных авторов. Неверные тенденции состоят главным образом в том, что все внимание односторонне сосредоточивается на фактах беззакония, произвола, злоупотребления властью.

Действительно, годы культа личности оставили тяжелые последствия. Наша партия сказала об этом народу всю правду. Вместе с тем надо иметь в виду и помнить, что те годы не были периодом застоя в развитии советского общества, как представляют себе наши недруги. Под руководством Коммунистической партии, под знаменем идей и заветов великого Ленина наш народ успешно строил и построил социализм. Советский Союз усилиями партии и народа был превращен в могучее социалистическое государство, которое выдержало тяжелейшие военные испытания и победоносно закончило невиданные в истории сражения, полностью разгромив фашистские полчища. **(Бурные аплодисменты).**

Поэтому мы и говорим, что неправильно поступают те писатели, которые крайне односторонне подходят к оценке того этапа в жизни нашей страны, пытаясь представить чуть ли не все события в мрачном свете, изобразить черными красками. Еще не перевелись литераторы, которые предпочитают черпать для себя материалы из мусорной ямы и хотят выдать такие произведения за правдивое освещение жизни народа. Сторонники этой точки зрения считают, что все произведения, в которых говорится о достижениях нашего народа, о положительном в жизни, являющихся «лакировочными» произведениями. С подобными утверждениями согласиться нельзя. Известно, что приукрашивание в некоторых произведениях было и партия высказала свое отрицательное отношение к этому явлению. Но ведь не все в тот период было плохо, народ и в тот период строительства социализма проявлял героизм, и поэтому нельзя все мазать дегтем.

Надо дать отпор любителям наклеивать ярлык «лакировщика» тем писателям и деятелям искусства, которые пишут о положительном в нашей жизни. А как же называть тогда тех, кто выискивает в жизни только плохое, изображает все в черных красках? Видимо, их следует называть дегтемазами. Хорошее в жизни должно быть достойно отражено в литературе и искусстве.

Надо, чтобы деятели литературы и искусства глубже изучали явления жизни и правильнее освещали их в своих произведениях. Каждый должен служить народу, нашему общему делу своим оружием. Я имею в виду каждого писателя, скульптора, композитора, деятеля кино и театра. И оружие каждого вида искусства должно быть направлено на пользу нашему народу с тем, чтобы разить врагов и прокладывать дорогу к светлому будущему — коммунистическому обществу.

Мы постоянно должны помнить об этом. Не надо звонких фраз. О каждом творческом работнике народ судит по тому, что он создал. Вот некоторые осуждают всех тех, кто писал произведения в то время, видя и положительные стороны нашей жизни. Не надо огульно охаивать все, что было написано в то время. Скажут — это отход от XX и XXII съездов. Нет, это утверждение курса XX и XXII съездов! **(Бурные аплодисменты).**

Когда читаешь мемуары И. Г. Эренбурга, то обращаешь внимание на то, что он все изображает в мрачных тонах. Сам тов. Эренбург в период культа личности не подвергался гонениям или ограничениям. Совсем иначе сложилась судьба такого, например, писателя, как Галина Серебрякова, которая многие годы находилась в заключении. Но она, несмотря на это, сохранила бодрость духа, верность делу партии и сразу после реабилитации включилась в творческую жизнь, взялась за свое оружие и создает произведения, нужные народу и партии. (**Бурные аплодисменты**).

В стране были созданы могучие производительные силы, осуществлена культурная революция. Замечательные плоды этих выдающихся побед советского народа весь мир видит сегодня в могучей поступи нашей страны по пути к коммунизму, в великих открытиях науки и техники, в завоевании космоса. Наши победы сегодня нельзя рассматривать вне связи с достижениями экономики и культуры тех лет.

Теперь нередко ставят вопрос о том, почему при жизни Сталина не были вскрыты и пресечены нарушения законности и злоупотребления властью и можно ли было сделать это тогда? В партийных документах наша точка зрения по этому вопросу была не раз освещена во всей полноте и с достаточной ясностью. К сожалению, не перевелись еще такие люди, в том числе и среди работников искусства, которые пытаются освещать события в искаженном виде. Поэтому и сегодня нам приходится снова касаться вопроса о культе личности Сталина.

Спрашивается, знали ли руководящие кадры партии, скажем, об арестах людей тогда? Да, знали. Но знали ли они, что арестовывали ни в чем не повинных людей? Нет. Этого они не знали. Они верили Сталину и не допускали мысли, что могут быть применены репрессии против честных, преданных нашему делу людей.

Советское общество с первых дней Октябрьской революции и до окончательной ликвидации эксплуататорских классов внутри страны находилось в обстановке самой острой классовой борьбы. Классовые враги были разбиты в открытом бою гражданской войны, но физически они не были ликвидированы и не отказались от своих коварных замыслов вредить советскому строю. Они изменили формы борьбы и стали применять такие методы, как саботаж, вредительство, тайные убийства, террористические акты, мятежи.

Должна ли была революция защищать свои завоевания? Да, она должна была это делать и делала с первых дней со всей решительностью. Известно, что в первые месяцы Советской власти по декрету Владимира Ильича Ленина был создан такой грозный для врагов революции орган пролетарской диктатуры, как ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Когда были раскрыты заговоры против революции, Сталин, как секретарь Центрального Комитета, проводил борьбу по очищению страны от заговорщиков и проводил под лозунгом борьбы с врагами народа. Ему верили в этом и поддерживали его. Иначе и не могло быть. Ведь в прошлом в истории нашей партии не раз были случаи предательства и измены делу революции, например, провокаторство Малиновского — члена большевистской фракции в Государственной думе.

Борьбу партии с врагами революции и социалистического строительства возглавлял тогда Сталин. Это укрепляло его авторитет. Всем был известен также вклад Сталина в революционную борьбу до Октябрьской революции, в ходе ее и в последующие годы социалистического строительства. Авторитет Сталина особенно возрос в период борьбы против антиленинских течений и оппозиционных группировок внутри партии, за укрепление рядов партии и Советской власти, против таких враждебных

ленинизму течений и оппозиционных групп внутри партии, как троцкисты, зиновьевцы, правые оппортунисты и буржуазные националисты.

После смерти В. И. Ленина партия провела дискуссию с троцкистами и зиновьевцами по коренным вопросам социалистического строительства и внутрипартийного положения. В этой дискуссии были вскрыты и разоблачены антиленинские враждебные социализму взгляды и действия Троцкого, Зиновьева и их приспешников, направленные на срыв ленинского курса строительства социализма в нашей стране в условиях капиталистического окружения.

Вслед за троцкистами против ленинского курса партии на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства выступили правые оппортунисты во главе с Бухариным, Рыковым и Томским, взгляды которых, если бы они утвердились в жизни, неизбежно поставили бы экономику Советского Союза в зависимость от капиталистических стран, что могло бы привести к реставрации капитализма в нашей стране. Линия правых оппортунистов вела к тому, что наша страна оказалась бы безоружной в военном отношении перед лицом враждебного нам агрессивного капиталистического окружения.

Курс нашей партии на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства был ленинским курсом, его поддерживала вся партия, все трудящиеся страны. Нам нужно было пройти за десять лет в экономическом развитии такой исторический путь, какой Западная Европа прошла за сто лет. В борьбе против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и буржуазных националистов Сталин в первые годы после смерти В. И. Ленина отстаивал ленинские позиции и сыграл в этом значительную роль. Поэтому партия и массы ему верили, его поддерживали.

Но Сталину были присущи крупные недостатки и ошибки, на которые в свое время Владимир Ильич Ленин обращал внимание партии.

Великий Ленин указывал на опасность того, что Сталин, сосредоточив в своих руках большую власть, не сумеет правильно пользоваться ею в силу своих крупных личных недостатков. Советуя заменить Сталина на посту генерального секретаря Центрального Комитета партии, Владимир Ильич вместе с тем считал, что на этот пост должен быть поставлен такой деятель, «который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Владимир Ильич Ленин считал Сталина марксистом, видным деятелем нашей партии, преданным революции. Свои соображения В. И. Ленин изложил в письме очередному съезду партии, которое и было рассмотрено делегациями на XIII партийном съезде. Решая этот вопрос, партия исходила тогда из реального соотношения сил внутри ЦК и, учитывая положительные стороны Сталина, как деятеля, поверила его заверениям, что он сумеет преодолеть указанные Владимиром Ильичем недостатки. Сталин нарушил потом свое слово и злоупотребил доверием партии, что и привело к тем тяжелым последствиям, которые получили распространение в период культа личности.

Партия со всей непримиримостью осудила и осуждает допущенные Сталиным грубые нарушения ленинских норм партийной жизни, произвол и злоупотребление им властью, причинившие серьезный ущерб делу коммунизма. И при всем этом партия отдает должное заслугам Сталина перед партией и коммунистическим движением. Мы и сейчас считаем, что Сталин был предан коммунизму, он был марксистом, этого нельзя и не надо отрицать. Его вина в том, что он совершил грубые ошибки теоретического и политического характера, нарушал ленинские принципы госу-

дарственного и партийного руководства, злоупотреблял доверенной ему партией и народом властью.

Когда хоронили Сталина, то у многих, в том числе и у меня, были слезы на глазах. Это были искренние слезы. Хотя мы и знали о некоторых личных недостатках Сталина, но верили ему.

Чтобы яснее себе представить, как велики были вера в Сталина и его авторитет, я приведу такой пример. Многие помнят товарища Якира. Это был крупный военачальник и кристальной чистоты большевик, трагически, безвинно погибший в те годы. Приговоренный к смерти, он верил в то, что Сталин не причастен к этому, и перед расстрелом крикнул: «Да здравствует Сталин!». На допросах товарищ Якир заявлял следователям, что арест и обвинение против него провокация, что партия и Сталин введены в заблуждение, они разберутся во всем этом, разберутся в том, что такие люди, как он, гибнут в результате провокаций. И так думал не только товарищ Якир, но и многие другие, безвинно пострадавшие выдающиеся деятели партии и государства.

Сталин был в последние годы жизни глубоко больным человеком, страдающим подозрительностью, манией преследования. Партия широко рассказала народу о том, как были созданы Сталиным такие «дела», как «ленинградское дело», «дело врачей» и другие. Но ведь, товарищи, таких «дел» было бы значительно больше, если бы все, кто работал рядом со Сталиным в тот период, соглашались с ним во всем. Как-то в одном из своих выступлений я рассказывал о том, как Сталин намеревался раздуть так называемое дело «о московском контрреволюционном центре». Но, как известно, ему не стали поддакивать, и кадры московской партийной организации не подверглись новым массовым репрессиям.

Известно также, что Сталин намеревался истребить значительную часть творческой интеллигенции Советской Украины. Видимо, по наущению Берия и Кагановича он заподозрил, что среди творческой интеллигенции в послевоенной Советской Украине зреют какие-то националистические тенденции, настроения, и он стал подталкивать события в том направлении, чтобы расправиться с виднейшими писателями и деятелями искусства Украины. Если бы украинские большевики поддались тогда настроению Сталина, то, видимо, украинская интеллигенция понесла бы большие потери, и, вероятно, было бы создано «дело» об украинских националистах.

Зная болезненную мнительность и подозрительность Сталина, разведки империалистических стран «подбрасывали» такие дела и такие «документы», которые выглядели весьма правдоподобно и создавали полную уверенность в том, что в нашей стране против Советской власти, против Советского государства действовали группы военных спецов, плелись заговоры различных преступных группировок.

Любители мемуарной литературы частенько как бы из зарубежного далека описывают события того времени, причем описывают такие события, которые были действительно далеки от них и по существу и по тем последствиям, которые вызывались этими событиями.

Но есть у нас такие товарищи и очень известные писатели, деятели искусства, которые, можно сказать, на своей шее испытали действия сталинского произвола и которые даже в те исключительно тяжелые времена не мирились с такими явлениями, протестовали и обращались непосредственно к Сталину с откровенными заявлениями.

Наш уважаемый Михаил Александрович Шолохов весной 1933 года поднял свой голос протеста против того произвола, который творился в то время на Дону. Недавно в архивах были обнаружены два письма Михаила Александровича к Сталину и ответы Сталина на эти письма. Нельзя без волнения читать правдивые, написанные кровью сердца шолохов-

ские слова о возмутительных действиях людей, которые творили преступные дела в Вешенском и других районах Дона.

Михаил Александрович писал Сталину в своем письме от 16 апреля 1933 года: «Примеры эти можно бесконечно умножить. **Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе «метод»** проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти «методы» на себе и после приходили ко мне с просьбами «прописать про это в газету».

Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот такое «исчезновение» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью».

Шолохов далее просил Сталина присмотреться к тому, что происходит в районах. «Расследовать надо не только дела тех, кто издевался над колхозниками и над Советской властью, но и дела тех, чья рука их направляла».

«Если все, описанное мною, заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачать всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это».

Можно было бы привести и другие выдержки из письма тов. Шолохова, прямого, откровенного и смелого письма, которое, между прочим, не опубликовано ни в его сочинениях, ни в его воспоминаниях.

Но я хочу остановиться на другом — что же ответил Сталин на письма писателя Шолохова? Он написал Михаилу Александровичу о том, что «Ваши письма производят несколько однобокое впечатление». В письме Сталина говорится:

«Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-совет. работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я **во всем** согласен с Вами. Вы видите **одну** сторону, видите неплохо. Но это только **одна** сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и **другую** сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботажи!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками, — писал далее Сталин. — И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали».

Вот, видите, оказывается, писатель Михаил Александрович Шолохов, который сигнализировал Сталину о вопиющих беззакониях, видел события так, «как это могло бы показаться издали». И это говорилось писателю, который был в гуще народа и создал лучшую, правдивую

партийную книгу о коллективизации — «Поднятая целина». (**Продолжительные аплодисменты**).

Как настоящий писатель-большевик, М. Шолохов не мирился с вопиющей несправедливостью, он восставал против творившихся в то время беззаконий, но Сталин оставался глухим к этим шолоховским сигналам, как и к многочисленным подобным сигналам других мужественных коммунистов.

О злоупотреблениях Сталиным властью и фактах произвола, которые совершал он, мы узнали только после его смерти и разоблачения Берия — этого матерого врага партии и народа, шпиона и гнусного провокатора.

Надо иметь в виду, что Берия, этот мерзкий человек, не считавший даже нужным скрывать своей радости у гроба Сталина, бешено рвался к власти, к лидерству в партии. И такая опасность реально существовала в то время. Это таило в себе большую угрозу завоевания Октябрьской революции, делу коммунистического строительства в нашей стране и для успехов международного коммунистического движения.

Берия с первых же дней после смерти Сталина начал предпринимать шаги, дезорганизующие работу партии и направленные на подрыв дружественных отношений Советского Союза с братскими странами социалистического лагеря. Вместе с Маленковым, например, они выступали с провокационным предложением ликвидировать Германскую Демократическую Республику как социалистическое государство, рекомендовать Социалистической единой партии Германии отказаться от лозунга борьбы за построение социализма. Тогда же Центральный Комитет партии с негодованием отверг эти изменнические предложения и дал сокрушительный отпор провокаторам.

Принятые Центральным Комитетом меры оградили партию и страну от подлых замыслов Берия, этого матерого агента империалистов.

Товарищи, обо всем этом надо хорошо помнить, уметь глубоко разбираться в исторических событиях каждому, кто создает произведения о жизни советского общества, о его настоящем и прошлом. Советский народ прошел большой и славный путь от разрушения старого, буржуазного мира до построения нового, социалистического общества, окончательно победившего в нашей стране. (**Продолжительные аплодисменты**).

Этот путь был нелегким; в борьбе за победу социализма наш народ героически преодолевал все трудности и лишения, которые перед ним возникали. В преодолении трудностей формировался характер советского человека, человека нового общества, борца за революционное преобразование мира. Высокая ленинская идейность, непреклонная воля, решимость на самопожертвование во имя торжества коммунистических идеалов — замечательные черты облика поколений советских людей, воспитанных Коммунистической партией. Советским людям чужды скептицизм, безволие и расслабленность, пессимизм и нигилистическое отношение к действительности.

Удивление вызывает, когда в иных произведениях литературы, кинофильмах и спектаклях всячески расписываются унылые и тоскливые переживания людей по поводу трудностей в их жизни. Так изображать картины жизни могут только люди, которые сами не участвуют в созидательной деятельности народа, не увлечены поэзией его труда и смотрят на все со стороны. По личному опыту могу сказать, как участник событий в те годы, которые изображаются иногда в мрачных красках и серых тонах, что это были счастливые, радостные годы, годы борьбы и побед, торжества коммунистических идей. (**Продолжительные аплодисменты**).

Недавно тов. Вальтер Ульбрихт показал нам документальный кинофильм «Русское чудо», созданный немецкими киноработниками Аннели и Андре Торидайк. Это — замечательный фильм. Когда мы смотрели его, то перед нами проходили правдивые картины из жизни нашей страны. Когда мы смотрели на это, то в массе участников гражданской войны я как бы видел себя, такими были бойцы Красной Армии тех дней. Фильм сделан на наших документальных материалах. Как говорится, дай бог, чтобы наши киноработники создавали побольше таких хороших, правдивых фильмов. Фильм «Русское чудо» показывает наш вчерашний день в сопоставлении с сегодняшним днем. Смотришь этот фильм и думаешь — вот как шагнула вперед наша страна! (**Аплодисменты**).

И мы хотели бы посоветовать нашим молодым людям: учитесь на истории революции, на истории борьбы, участниками которой были ваши отцы и матери, и свято храните память о тех, которых уже нет, и с уважением относитесь к тем, которые живут, и берите от них на вооружение в свои руки все, чтобы вы были достойными людьми, достойными продолжателями дела своих отцов. (**Бурные аплодисменты**). Если вы достоинство не сохраните, на вас позор ляжет.

Мы глубоко верим в наш народ, в его силу, в его творческий революционный дух. Мы верим, что наша творческая молодежь будет продолжать дело своих отцов, идти всегда в ногу с народом.

Боец, одухотворенный высоким стремлением к победе, не замечает трудностей походов и сражений, как бы они тяжелы ни были. Он отдает свою жизнь за идею, потому что в момент самой острой борьбы идея становится для него выше любых трудностей, превыше всего.

Оценка жизненных явлений и исторических событий человеком зависит от того, на каких идейных позициях он сам стоял и стоит в своем отношении к этим явлениям и событиям. Есть книги о нашей революции и о социалистическом строительстве, написанные людьми, наблюдавшими революцию и преобразовательную деятельность народа, «как бы из чердачных окон».

О революции, о жизни и делах советского народа писали книги и такие люди, которых революция выбила из насиженных теплых гнезд, которые не поняли и не приняли революцию. Волны событий бросали их из края в край — из Москвы в Крым, из Крыма в Тбилиси, а оттуда по всему свету. В повестях, романах и мемуарах они копаются в своих переживаниях по поводу трудностей, свалившихся на них и им подобных, о том, как им приходилось питаться тухлой рыбой и тому подобным. Наши советские люди тогда побеждали врагов, будучи плохо одетыми и полуголодными, не имея подчас и тухлой рыбы, но они не ныли и не стонали, а стойко сражались, самоотверженно отстаивали завоевания революции. (**Бурные аплодисменты**).

Наша партия всегда стояла за партийность в литературе и в искусстве. Она приветствует всех — и старых, и молодых деятелей литературы и искусства, партийных и непартийных, но твердо стоящих на позициях коммунистической идейности в вопросах художественного творчества. Они — опора партии, ее верные солдаты. (**Аплодисменты**).

Мы их поддерживаем и будем поддерживать, заботимся и будем заботиться о том, чтобы росли и крепили наши творческие силы, спланивались в единую, боевую семью революционных художников, последовательно отстаивающих в своем творчестве победоносные идеи марксизма-ленинизма, непримиримых ко всему гнилому, чуждому, враждебному. откуда бы оно ни проникало. (**Аплодисменты**).

Здесь выступал поэт Р. Рождественский. Он полемизировал со стихотворением Н. Грибачева «Нет, мальчики!..» В выступлении тов. Рож-

дественского сквозила мысль о том, что будто бы только группа молодых литераторов выражает настроения всей нашей молодежи, что они являются наставниками молодежи. Это совсем не так. Наша советская молодежь воспитана партией, она идет за партией, видит в ней своего воспитателя и вождя. **(Бурные аплодисменты).**

Молодому поэту Р. Рождественскому я хотел бы поставить в пример поэта-солдата, у которого меткий глаз и который точно, без промаха бьет по идейным врагам, поэта-коммуниста Н. Грибачева. **(Аплодисменты).** Мы живем в период острой идейной борьбы, в период борьбы за умы, за перевоспитание людей. Это сложный процесс, значительно более трудный, чем переделка станков и заводов. Вы — деятели литературы и искусства, — образно говоря, — кузнецы по перековке психологии людей. Вы владеете сильным оружием, и это ваше оружие всегда должно действовать в интересах народа. **(Аплодисменты).**

Если говорить строго, беспартийности, собственно, и нет в обществе. И тот, кто афиширует свою беспартийность, делает это для того, чтобы прикрыть свое несогласие со взглядами и идеями партии, чтобы вербовать себе сторонников. В истории не раз бывало, когда самые отъявленные реакционеры и контрреволюционеры выступали под лозунгом беспартийности и только потом вскрывалась их буржуазная партийность.

Таких примеров немало можно привести из истории борьбы рабочего класса и трудового крестьянства нашей страны за укрепление Советской власти. На разных этапах, в разные периоды враги рабочих и крестьян по-разному применяли средства борьбы против коммунистов, против строительства социализма, прикрываясь беспартийностью.

В первые годы Советской власти эсеры, анархисты, меньшевики, кадеты и прочая нечисть, выражая волю эксплуататоров и интервентов, агентурой и слугами которых они были, открыто и прямо выступали против революции, против Ленина, против власти рабочих и крестьян.

В годы гражданской войны в лагере врагов рабочего класса и крестьянства находились капиталисты и помещики в союзе с иностранными интервентами. Все меньшевистское, эсеровское, анархистское отребье пошло в услужение контрреволюции, стало ее челядью.

В огне ожесточенных боев с контрреволюцией и интервенцией трудящиеся нашей страны проходили школу политического воспитания, на своих спинах познавали политграмоту и решали, за кем им идти, чью сторону держать, становились большевиками.

Это очень хорошо и убедительно показано в повести Д. Фурманова и кинофильме «Чапаев», в романе А. Серафимовича «Железный поток», в романе А. Фадеева «Разгром», в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» и в других художественных произведениях наших советских революционных писателей. Их произведения, проникнутые идеями партийности, и сейчас играют большую роль, являются оружием нашей партии в ее идеологической работе. Не случайно на Кубе и в ряде других стран, борющихся за свою свободу и независимость, книга «Как закалялась сталь» пользуется большой популярностью.

По мере того, как идеи Ленина все более и более овладевали умами рабочих и крестьян, укреплялось влияние коммунистов в народе, возрастал авторитет Советской власти, враги революции предприняли попытку оттеснить большевиков и захватить Советы в свои руки, они выбросили лозунг: «Советы без коммунистов».

Что такое Советы без коммунистов? Это лишенная революционного содержания пустая форма. Контрреволюционеры хорошо это понимали и, выдвигая лозунг «Советы без коммунистов», рассчитывали превратить их из органов революционной власти в проводников своего влияния на

массы, использовать авторитет Советов для осуществления своих антинародных замыслов.

Дело не в том, как называется та или иная организация, а в том, какую политику она проводит, интересы какого класса защищает.

Во Франции, например, давно существуют коммуны. Как видите, эти органы управления названы по-революционному, а сущность их капиталистическая и защищают они интересы монополистов. Революционное слово «коммуна» совсем не пугает французскую буржуазию, потому что этим словом называется ее органы управления.

Сколько сейчас имеется буржуазных деятелей различных стран, которые прикрывают свою буржуазную политику социалистической фразеологией. Они вещают о строительстве социализма и в то же время сажают коммунистов в тюрьмы, казнят их, загоняют в подполье коммунистические партии и говорят, что борются за социализм. Это они делают потому, что идеи социализма становятся все более популярными в народных массах всех стран, проникают в их сознание.

Пример народов Советского Союза служит для народов революционным маяком. Именно поэтому буржуазные деятели, особенно представители левой буржуазии, широко используют лозунг строительства социализма для обмана трудящихся.

Мы против мирного сосуществования в области идеологии

Исторический опыт учит, что в политической, идеологической борьбе нельзя доверяться словам и декларациям, надо уметь распознавать, кем и во имя чего они выдвигаются. А для этого необходимо прежде всего быть марксистом-ленинцем, убежденным коммунистом, посвятившим свою жизнь, свой талант борьбе за счастье людей труда на земле.

Нельзя, считая себя борцом за интересы трудового народа, стоять на перепутье между борющимися сторонами, «добру и злу внимая равнодушно».

В классовую борьбу вовлекаются все слои общества, она вносит раскол даже в семьи. Бывает и так, что члены одной и той же семьи стоят друг против друга на разных сторонах баррикад.

Есть категория людей, которые объясняют свое неучастие в революции, так сказать, «гуманными» соображениями; они, видите ли, не могут поднять руку на себе подобных. А кто же убивает людей, как не себе подобные?

Революции свершаются общественными классами. Революция рабочих и крестьян за свержение капиталистического класса есть самое гуманное, самое человеческое дело. Участие в такой революции на стороне рабочих и крестьян есть самое высшее проявление гуманизма. Без свержения строя эксплуататоров невозможно освобождение трудящихся и создание для них счастливой жизни. Разве трудно понять, что те, кто не участвует в борьбе на стороне трудящихся, по сути дела помогают буржуазии. Кто не идет вместе с рабочими и крестьянами, тот неизбежно идет против них. Это надо хорошо понимать, товарищи! **(Аплодисменты).**

Встречались и сейчас встречаются и такие люди, которые заявляют, что они приемлют идею коммунизма и даже иногда ратуют за нее, но активного участия в борьбе не принимают, болтаются под ногами борющихся, путаются сами и запутывают других.

Революция не добренькие пожелания, это суровая и острая борьба. За революцию надо бороться не только в ходе ее свершения, но и в пе-

риод укрепления ее завоеваний вплоть до построения коммунизма. Здесь мало одних рефератов, лекций, докладов, необходимо участие и в перестрелке, когда этого требуют обстоятельства.

Колеблющиеся люди в сложных условиях борьбы классов, иногда не желая того, сами, попадают в незавидное положение. Напомню такой случай, который произошел с А. В. Луначарским. Испугавшись, что стрельба вооруженных рабочих по врагу может задеть исторические памятники и причинить им вред, он пришел к В. И. Ленину с возражениями и даже угрожал выходом из состава Советского правительства. Владимир Ильич высмеял это обывательское представление о революции. Потом Луначарский это и сам понял.

В этой связи мне хотелось бы сказать несколько слов о товарище Эренбурге. Было время, когда товарищ Эренбург приезжал к В. И. Ленину в Париж и был сочувственно им принят, как он сам об этом пишет. Даже в партию вступал товарищ Эренбург, а затем отошел от нее. Непосредственного участия в социалистической революции он не принимал, занимая, видимо, позицию постороннего наблюдателя. Думается, не будет искажена правда, если сказать, что с таких же позиций товарищ Эренбург оценивает нашу революцию и весь последующий период социалистического строительства в своих мемуарах: «Люди, годы, жизнь».

Высший долг советского писателя, художника, композитора, каждого творческого работника быть в рядах строителей коммунизма, служить своим талантом великому делу нашей партии, бороться за торжество идей марксизма-ленинизма. Надо помнить о том, что в мире идет острая борьба двух непримиримых идеологий — социалистической и буржуазной.

Задача художника — активно содействовать своими произведениями утверждению коммунистических идей, наносить сокрушительные удары по врагам социализма и коммунизма, бороться против империалистов, колонизаторов.

Замечательным примером патриотического, партийного понимания задач художника является творчество нашего выдающегося писателя Михаила Александровича Шолохова. Возьмем его романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина», рассказ «Судьба человека», главы из романа «Они сражались за Родину». Это — высокохудожественные произведения огромной силы, революционного пафоса, проникнутые коммунистической партийностью и духом классовой борьбы рабочих и крестьян нашей страны за победу революции и социализма. Товарищ Шолохов сам активно участвовал в борьбе во время гражданской войны, в период ликвидации кулачества, как последнего эксплуататорского класса, и в годы Отечественной войны против фашистских захватчиков. Он участвовал в этих боях не как наблюдатель, а как воин, и в мирное время он остается таким же бойцом за счастье трудящихся. **(Бурные аплодисменты).**

Михаил Александрович Шолохов обладает огромным даром глубокого понимания существа общественных явлений и событий, хорошо видеть друзей, распознавать врагов и талантливо, с партийных позиций изображать впечатляющие картины реальной жизни. С большой любовью он воссоздает в своих произведениях образы коммунистов, людей труда!

С непримиримой классовой ненавистью он разоблачает и разит врагов нашего общественного строя. С какой яркостью и убедительностью рисует он картины боевых схваток! Уж если сходятся в рубке, то так скрещивают сабли, что искры летят, рубятся за правду народу, и она побеждает.

На примере творчества Михаила Александровича Шолохова все видят, что коммунистическая партийность писателя не только не связывает проявлений его художественной индивидуальности, а, напротив, активно способствует расцвету таланта и подымает его произведения до уровня самого высокого общественного значения.

Мы стоим на классовых позициях в искусстве и решительно выступаем против мирного сосуществования социалистической и буржуазной идеологий. Искусство относится к сфере идеологии. И те, кто думает, что в советском искусстве могут мирно уживаться и социалистический реализм, и формалистические, абстракционистские течения, те неизбежно сползают на чуждые нам позиции мирного сосуществования в области идеологии. С такими настроениями мы столкнулись в последнее время. На эту удочку, к сожалению, попались некоторые коммунисты — писатели и художники и даже некоторые руководящие деятели творческих организаций. Вместе с тем следует отметить, что такие беспартийные, как, например, тов. Л. Соболев, стойко защищают партийную линию в литературе и искусстве.

Прошлый раз тов. И. Эренбург говорил, что идея сосуществования высказана в письме в виде шутки. Допустим, что так. Но тогда это — злая шутка. В области идеологии так шутить нельзя. Давайте разберемся, что бы на самом деле произошло в советском искусстве, если бы верх захватили сторонники мирного сосуществования различных идейных направлений в литературе и искусстве. Как первый шаг, был бы нанесен удар по нашим революционным завоеваниям в области социалистического искусства. По логике борьбы дело на этом вряд ли бы кончилось. Не исключено, что эти люди, накопив силы, предприняли бы попытки выступления против революционных завоеваний.

Мне уже приходилось говорить, что мирное сосуществование в области идеологии есть измена марксизму-ленинизму, предательство дела рабочих и крестьян. Советское общество находится сейчас на таком этапе, когда достигнуто полное, монолитное единство всех социалистических наций страны, всех слоев народа — рабочих, колхозников, интеллигенции, успешно строящих коммунизм под руководством ленинской партии.

Наш народ и партия не потерпят никаких посягательств на это монолитное единство. Одним из проявлений такого посягательства является попытка навязать нам мирное сосуществование идеологий. Вот почему мы направляем огонь и против этих тлетворных идей, и против их носителей. И в этом, надеюсь, все мы едины. **(Продолжительные аплодисменты).**

А тех, кто еще заблуждается, мы призываем задуматься, разобраться в своих ошибках, понять их природу и истоки, преодолеть свои заблуждения и вместе с партией, в общем строю, под красным знаменем марксизма-ленинизма активно участвовать в строительстве коммунизма, умножать успехи социалистической культуры, литературы и искусства.

Абстракционизм, формализм, за право существования которого в социалистическом искусстве ратуют отдельные его поборники, есть одна из форм буржуазной идеологии. Приходится сожалеть, что этого не понимают некоторые, в том числе и умудренные житейским опытом, творческие работники.

В мемуарах товарища Эренбурга есть такое место. Привожу его: «Было множество литературных школ: комфуты, имажинисты, пролеткультовцы, экспрессионисты, футисты, беспредметники, презентисты, акцидентисты и даже ничевоки. Конечно, немало глупостей несли иные тсоретики... Но мне хочется защитить то далекое время».

Как видно, автор мемуаров с большой симпатией относится к пред-

ставителям так называемого «левого» искусства и ставит перед собой задачу защитить это искусство. Спрашивается — от кого защищать? Видимо, от нашей марксистско-ленинской критики. Ради чего это делается? Очевидно, для того, чтобы отстоять возможность существования таких или им подобных явлений в нашем современном искусстве. Это означало бы признать сосуществование социалистического реализма и формализма. Товарищ Эренбург совершает грубую идеологическую ошибку, и наша обязанность помочь ему это понять.

На нашей встрече в прошлый раз в защиту абстракционизма выступил товарищ Евтушенко. Он пытался обосновать эту свою позицию тем, что хорошие люди бывают и среди реалистов и среди формалистов, сославшись при этом на пример из жизни двух кубинских художников, которые резко расходились во взглядах на искусство, а погибли затем в одном окопе, сражаясь за революцию. Такой факт в жизни мог быть, как частный случай.

Можно привести пример совершенно противоположного характера. После гражданской войны в городе Артемовске, на Украине, был построен уродливый формалистический памятник, автором которого был скульптор кубист Кавалеридзе. Это было ужасное зрелище, а кубисты им восторгались (в годы войны памятник разрушен). Автор формалистического памятника, оставаясь на территории, оккупированной фашистами, вел себя недостойным образом. Так что приведенный тов. Евтушенко пример не может служить серьезным аргументом в пользу его взглядов.

Позиция тов. Евтушенко в отношении к абстракционизму по сути дела совпадает со взглядами, которые защищает тов. Эренбург. Поэт, человек еще молодой, многого не понимает, видимо, в политике нашей партии, допускает шатания, неустойчивость взглядов по вопросам искусства. Но его выступление на заседании Идеологической комиссии внушает уверенность, что он сумеет преодолеть свои колебания. Мне хотелось бы посоветовать тов. Евтушенко и другим молодым литераторам дорожить доверием масс, не искать дешевой сенсации, не подлаживаться к настроениям и вкусам обывателей. **(Продолжительные аплодисменты)**. Не стыдитесь, тов. Евтушенко, признавать свои ошибки. Не бойтесь того, что будут говорить о вас недруги. Вам надо ясно осознать, что если мы вас критикуем за отход от принципиальных позиций, то противники начинают вас хвалить. Если противники нашего дела начинают вас восхвалять за угодные им произведения, то народ справедливо вас будет критиковать. Так выбирайте, что для вас лучше подходит. **(Аплодисменты)**.

Коммунистическая партия борется и будет бороться против абстракционизма и любых других формалистических извращений в искусстве. Мы не можем быть нейтральными в отношении к формализму. Когда я был в Америке, мне подарили какие-то художники — я не знаю, известные они или неизвестные, — картины. Вчера я показывал вам эту картину. Видимо, эти люди не являются моими врагами, иначе они не преподнесли бы мне плоды своего труда. Но я и при этом условии не могу признать, что преподнесенный мне подарок есть высший шедевр или вообще шедевр изобразительного искусства.

Скажите, что здесь изображено? Говорят, что нарисован вид с моста на город. Как ни смотри, ничего не увидишь, кроме полосок разного цвета. И эта мазня называется картиной!

Еще один такой «шедевр». Видны четыре глаза, а может быть, их и больше. Говорят, что здесь изображен ужас, страх. До какого уродства доводят искусство абстракционисты! Это образцы американской живописи.

А вот несколько случаев из области нашего архитектурного искусства. В Москве, в Сокольниках, существует клуб имени Русакова, построенный по проекту архитектора товарища Мельникова. Это уродливое неудобное сооружение, похожее на всех чертей. **(Оживление в зале)**. Но в свое время оно преподносилось как прогрессивное новшество.

Образцом неразумного увлечения формой в архитектуре служит и театр Советской Армии в Москве, сооруженный по проекту архитекторов Алабяна и Симбирцева. Архитекторам была навязана Кагановичем глупая идея построить театр в виде пятиконечной звезды. Одно дело пятиконечная звезда как символ, как эмблема, а другое — сооружение в виде звезды здания практического назначения. Сколько там ненужных углов, бесполезной площади!

Театр Советской Армии, видимо, самое неразумно построенное здание. Дело обстояло так: Каганович доложил свою идею Сталину, она ему понравилась, и было решено сооружать здание в виде пятиконечной звезды. Никто этой звезды не видит и не увидит: на нее надо с неба глядеть. **(Смех в зале)**. Глупая идея, дань незрелости представлений о красивом и разумном в искусстве и в жизни.

Уму непостижимо, зачем, во имя чего разумные образованные люди юродствуют, кривляются, выдают за произведение искусства самые несуразные поделки. А окружающая их жизнь полна естественной, волнующей красоты.

В канун Нового года я возвращался в Москву из-за города. Весь день 31 декабря с самого утра я провел в лесу. Это был поэтический день, красивейший день русской зимы, именно русской зимы, потому что не везде такие зимы, как у нас в России. Это, конечно, не национальное, а климатическое, природное явление, так что прошу правильно меня понять. **(Смех в зале. Аплодисменты)**.

Очень красив был лес в тот день. Красота его заключалась в том, что лес был покрыт пушистым инеем. Помню, в юности я читал какой-то рассказ в журнале «Огонек». Не припомню автора этого рассказа, в нем были такие слова: «милые серебряные тени». Автор описывал сад в зимнем убранстве. Рассказ был, видимо, хорошо написан, а может быть, тогда у меня была более низкая требовательность к литературе. Но мне понравился рассказ, и сейчас хорошо сохранилось в памяти впечатление от него. Особенно мне понравилось описание деревьев в зимнем убранстве.

Сильное впечатление произвел на меня зимний лес накануне Нового года, так он был прекрасен. Может быть, тени и не были серебряными, у меня не хватает слов, чтобы выразить то глубокое впечатление, которое произвел на меня лес. Я наблюдал восход солнца, лес, покрытый инеем. Красоту эту могут понять только те, которые бывали в лесу и сами видели такие живые картины. Преимущество художника в том и состоит, что он может сам воссоздавать волнующие картины, но таким даром не каждый обладает.

Я сказал моим спутникам: вы посмотрите на эти ели, на их убранство, на эти снежинки, которые играли и блестели в солнечных лучах, как это удивительно красиво! А вот модернисты, абстракционисты хотят эти ели вверх корнями рисовать и говорят, что это новое, прогрессивное в искусстве.

Невозможно, чтобы такое искусство когда-нибудь могло получить признание нормальных людей, чтобы люди были лишены возможности любоваться живописными картинами природы, воспроизведенными в творениях художников, украшающих залы наших клубов, домов культуры, жилищ.

— Может быть, некоторые скажут, что Хрущев призывает к фотографизму, натурализму в искусстве. Нет, товарищи! Мы зовем к яркому художественному творчеству, правдиво отображающему реальный мир во всем многообразии его красок. Только такое искусство будет приносить людям радость и наслаждение. Человек никогда не утратит способности художественного дара и не допустит, чтобы ему под видом произведений искусства преподносили грязную мазню, которую может намалевать любой осел своим хвостом. **(Аплодисменты).**

Нет сомнения, что народ найдет в себе силы дать отпор такого рода «новаторам». И те из них, кто не потерял рассудка, одумаются и станут на путь служения народу, создадут художественные полотна, полные радости, зовущие к труду.

Непонятно, почему сторонники формализма, абстракционизма называют тех работников искусства, которые стоят на позициях социалистического реализма, консерваторами, а абстракционистов считают представителями передового в искусстве. Есть ли основания для этого? Думаю, что никаких оснований для этого нет, да и не может быть, так как формализм и абстракционистские выверты чужды и непонятны народу. А все, что чуждо народу, не поддерживается им, конечно, не может быть передовым!

Недавно художник А. И. Лактионов выступил со статьей в «Правде», в которой выразил свое непримиримое отношение к абстракционистскому искусству. Абстракционисты и их покровители обругали эту статью за то, что будто бы она посвящена консервативному направлению в искусстве. И живопись тов. Лактионова третируется этими людьми, как натуралистическая.

Давайте сравним два произведения живописи — автопортрет А. Лактионова и автопортрет Б. Жутовского. Как бы иные ни думали и что бы они ни говорили по этому поводу, но для всякого здравомыслящего человека, обладающего неиспорченными вкусами, ясно, что картина художника Лактионова привлекает своей человечностью и вызывает уважение к человеку. Смотришь на него, любишь его и радуешься за человека.

А кого изобразил Б. Жутовский? Урода! Посмотрев на его автопортрет, напугаться можно. Как только не стыдно человеку тратить свои силы на такое безобразие! Как же так, человек закончил советскую среднюю школу, институт, на него затрачены народные деньги, он ест народный хлеб. А чем же он отплачивает народу, рабочим и крестьянам за те средства, которые они затратили на его образование, за те блага, которые они дают ему сейчас, — вот таким автопортретом, этой мерзостью и жутью? Противно смотреть на такую грязную мазню и противно слушать тех, кто ее защищает.

Каким бы бранным словом ни называли творчество художников, стоящих на позициях социалистического реализма, и как бы ни словословили абстракционистам и всяким другим формалистам, все здравомыслящие люди отчетливо понимают, что в первом случае мы имеем дело с действительными художниками, с подлинным искусством, а во втором — с людьми извращенными, у которых, как говорится, мозги набекрень, с неприличной халтурой, оскорбляющей чувства людей. **(Аплодисменты).**

Советское общество отбрасывает все мертворожденное в искусстве, как всякий живой организм отбрасывает отжившие, омертвевшие клетки.

Большое и важное место в духовной жизни нашего народа, в идеологической работе принадлежит музыке. В связи с этим представляется необходимым высказать некоторые соображения о направленности му-

зыкального творчества. Мы не хотим быть какими-то судьями или стоять у пульта и дирижировать композиторами.

В музыке, как и в других видах искусства, много разных жанров, стилей, форм. Никто никакого запрета не накладывает ни на один из этих стилей и жанров. Но мы хотим все-таки изложить свое отношение к музыке, к ее задачам и направленности в музыкальном творчестве.

Если сказать кратко, то мы стоим за музыку мелодичную, содержательную, волнующую души людей, рождающую сильные чувства, и выступаем против всякой какофонии.

Кто не знает песен об армии Буденного! Много хороших песен написали композиторы — братья Покрасс. Мне очень нравится их песня о Москве, написанная, признаюсь, по нашему заказу, когда я был секретарем Московского комитета партии. Помню, мы собрались в Московском комитете и один из них сыграл нам эту песню в первый раз. Певец он неважный, но музыку братья Покрасс написали хорошую.

А как волнуют старые революционные песни, такие, как «Замучен тяжелой неволей», «Варшавянка»! Кто не знает «Интернационал»? Сколько лет мы поем эту песню, она стала международным гимном рабочего класса. Какие революционные мысли и чувства она пробуждает, поднимает человека, мобилизует его против врагов трудящихся!

Когда я слушаю музыку Глинки, у меня всегда на глазах появляются слезы радости.

Может быть, это не модно, старорежимно, а я человек по возрасту уже не молодой, но мне нравится, когда Давид Ойстрах играет на скрипке; очень нравится мне также, когда выступает коллектив скрипачей Большого театра, я не знаю, как этот коллектив называется на профессиональном языке. Много раз слушал я его выступления и всегда испытывал большое удовольствие.

Конечно, я не претендую на то, чтобы мое восприятие музыки стало какой-то нормой для всех. Но ведь не можем мы потакать тому, кто какофонию звуков выдает за подлинную музыку, а любимая народом музыка третируется некоторыми людьми, как устаревшая.

Каждый народ имеет свои традиции в музыке и любит свои национальные, народные мелодии и песни. Я родился в русской деревне, воспитан на русской и украинской народной музыке, на ее мелодиях и народных песнях. Мне доставляет большое удовольствие слушать песни Соловьева-Седого, песню композитора Колмановского на слова поэта Евтушенко «Хотят ли русские войны». Очень нравятся мне и украинские песни; люблю песню «Рушничок», написанную композитором П. Майборда на слова Андрея Малышко. Слушаешь ее и еще хочется слушать эту песню. Много у нас хороших композиторов, и много написано ими хороших песен, но мне, как вы понимаете, невозможно всех их перечислить в своем выступлении.

В музыкальном творчестве есть и серьезные недостатки. Нельзя считать нормальным наметившееся увлечение джазовой музыкой и джазами. Не следует думать, что мы противники любой музыки для джазов, разные бывают джазы и разная бывает музыка для них. Дунаевский умел писать и для джазов хорошую музыку. Нравятся мне некоторые песни в исполнении джаза под управлением Леонида Утесова. Но бывает и такая музыка, от которой тошнит, возникают колики в желудке.

После пленума Союза композиторов РСФСР товарищ Шостакович пригласил нас на концерт в Кремлевский театр. Хотя мы были и очень заняты, но пошли послушать музыку, нам говорили, что концерт будет интересный. И там действительно, как мы убедились, были интересные номера. Но затем почему-то выпустили один джаз, другой, третий, потом все три вместе. Даже от хорошего, если много его, становится трудно, а

выдержать такой залп джазовой музыки было не под силу. И спрятался бы, да некуда.

Музыка, в которой нет мелодии, кроме раздражения ничего не вызывает. Говорят, что это происходит от непонимания. Действительно, бывает такая джазовая музыка, что ее и понять нельзя и слушать противно.

Чувство возражения вызывают некоторые так называемые современные танцы, занесенные в нашу страну с Запада. Мне пришлось много поездить по стране. Я видел русские, украинские, казахские, узбекские, армянские, грузинские и другие танцы. Это красивые танцы, смотреть их приятно. А то, что называют современными модными танцами, это просто какие-то непристойности, иступления, черт знает что! Говорят, что такое неприличие можно увидеть только в сектах трясунов. Не могу подтвердить, так как сам никогда не был на сборищах трясунов. **(Смех в зале).**

Оказывается, что среди творческих работников встречаются такие молодые люди, которые тшятся доказывать, что будто бы мелодия в музыке утратила право на существование и на смену ей приходит «новая» музыка — «додекафония», музыка шумов. Нормальному человеку трудно понять, что скрывается за словом «додекафония», но по всей вероятности то же самое, что и за словом какофония. Так вот эту самую какофонию в музыке мы отмечаем начисто. Наш народ не может взять на свое идейное вооружение этот мусор.

Возгласы: Правильно! (Аплодисменты).

Мы за музыку вдохновляющую, зовущую на подвиг ратный и на труд. Солдат, когда идет в бой, берет то, что ему нужно, и оркестр никогда не оставляет. В походе оркестр воодушевляет. Музыка для таких оркестров могут создавать и создают композиторы, которые стоят на позициях социалистического реализма, не отрываются от жизни, от борьбы народа и поддерживаются народом.

Наша политика в искусстве, политика непримиримости к абстракционизму, формализму и любым другим буржуазным извращениям есть ленинская политика, которую мы неуклонно проводили, проводим и будем проводить. **(Аплодисменты).**

Владимир Ильич Ленин утверждал, что литература и искусство должны служить интересам рабочих и крестьян, интересам народа.

Так называемое левое искусство, которому некоторые поют дифирамбы, Владимир Ильич называл нелепейшим кривлянием, сверхъестественным и несуразным. Сейчас распространяется миф о том, что будто бы Ленин терпимо и чуть ли не сочувственно относился к формалистическим упрямствам в искусстве. К распространению неправды о взглядах Ленина на искусство причастен, к сожалению, и тов. Эренбург. В своих мемуарах он пишет: «А. В. Луначарский мне рассказывал, что, когда он спросил Ленина, можно ли предоставить «левым» художникам украсить к Первому мая Красную площадь, Владимир Ильич ответил: «Я в этом не специалист, не хочу навязывать другим свои вкусы».

Здесь тов. Эренбург дает понять читателю, что как будто Ленин допускал возможность сосуществования различных идейных направлений в советском искусстве.

Неправильно это, товарищ Эренбург! Вы хорошо знаете, что именно Ленин выдвинул принцип идейности и партийности литературы и искусства. Это затем было горячо поддержано Горьким и другими писателями, которые твердо стали на позиции Советской власти: на позиции борьбы за дело рабочего класса, на позиции борьбы за победу коммунизма.

За партийность, идейность и художественное мастерство Владимир Ильич Ленин высоко ценил повесть Максима Горького «Мать».

В художественном мастерстве, в ясности и четкости идейных позиций — сила художественных произведений. Но, оказывается, это не всем нравится. Иногда идейную ясность произведений литературы и искусства атакуют под видом борьбы с риторичностью и назидательностью. В наиболее откровенной форме такие настроения проявились в заметках Некрасова «По обе стороны океана», напечатанных в журнале «Новый мир». Оценивая еще не вышедший на экран фильм «Застава Ильича», он пишет: «Я бесконечно благодарен Хуциеву и Шпаликову, что они не выволокли за седеющие усы на экран все понижающего, на все имеющего четкий, ясный ответ старого рабочего. Появись он со своими поучительными словами — и картина погибла бы».

Возгласы: Позор!

И это пишет советский писатель в советском журнале! Нельзя без возмущения читать такие вещи, написанные о старом рабочем в барском пренебрежительном тоне. Думаю, что тон подобного разговора совершенно недопустим для советского писателя.

К тому же в названных мною заметках выражено отношение не только к частному случаю в искусстве, а провозглашен совершенно не приемлемый для нашего искусства принцип. И это не может не вызывать нашего самого решительного возражения.

Руководство ленинской партии — залог всех наших успехов

Среди отдельных людей можно услышать разговоры о какой-то абсолютной свободе личности. Я не знаю, что здесь имеют в виду, но считаю, что абсолютной свободы личности не будет никогда, даже при полном коммунизме. «Мы в «абсолюты» не верим», — отвечал в свое время Владимир Ильич Ленин поборникам «абсолютной свободы» (Соч., том 32, стр. 479). И при коммунизме воля одного человека должна подчиняться воле всего коллектива. Если этого не будет, то анархическое своеволие внесет разлад и дезорганизует жизнь общества. Без организационного, направляющего начала не может существовать не только социалистическое общество, но и никакое общество, никакая общественная система, даже самый маленький коллектив людей.

Нет нужды доказывать, что на всех ступенях общественного развития, начиная с первобытного состояния, люди для добывания средств к жизни объединялись в коллективы. А в наше время, время атома, электроники и кибернетики, автоматике, поточных линий, тем более требуется четкость, идеальная слаженность и организованность всех звеньев общественной системы как в сфере материального производства, так и в области духовной жизни. Только при таких условиях можно пользоваться всеми благами науки, которые создал человек, и ставить их себе на службу.

Могут ли быть при коммунизме нарушения общественного порядка, отклонения от воли коллектива? Могут. Но, видимо, как единичные факты. Нельзя думать, что будут исключены случаи психического заболевания и что душевнобольные люди не могут стать нарушителями правил общежития. Не знаю, какие, но, наверное, какие-то средства будут существовать против выходов сумасшедших. Ведь и теперь существует смиренная рубаха, которую надевают на умалишенных и тем самым лишают их возможности буйствовать и причинять вред себе и окружающим.

В современных условиях нам приходится вести упорную борьбу против пережитков прошлого внутри страны и отражать атаки организован-

мы говорим —
 партия,
 подразумеваем —
 Ленин».

Ленинская партия — передовая часть, боевой испытанный авангард народа.

Каждый гражданин нашей страны, кто бы он ни был: рабочий или колхозник, ученый или писатель, художник или композитор — сыны и дочери своего народа и не мыслят себя вне жизни народа, вне его созидательной деятельности. Партийность и народность в искусстве не противоречат друг другу, они составляют единое целое!

Тем творческим работникам, у которых нет еще такого понимания своего места в обществе, нужно помочь, чтобы хорошо осознать это.

Как дирижер в оркестре следит за тем, чтобы все инструменты звучали слаженно и стройно, так и партия в общественно-политической жизни направляет усилия всех советских людей к достижению единой цели.

Социалистическое общество через партию, как руководящую силу, устраняет помехи, нарушающие нормальную жизнь людей, и создает необходимые материальные, культурные, идейные предпосылки для построения коммунизма.

Партийная критика формалистических извращений осуществляется в интересах развития литературы и искусства, играющих важную роль в духовной жизни нашего общества.

В литературе и искусстве партия поддерживает только те произведения, которые вдохновляют народ и сплачивают его силы. Общество вправе осудить такие произведения, которые идут вразрез с его интересами.

Мы все живем на средства, созданные народом, и за это обязаны платить народу своим трудом. Каждый, как пчела улей, должен пополнять своим вкладом материальные и духовные богатства общества. Могут найтись люди, которые скажут, что не согласны с этим, что это насилие над личностью, возврат к прошлым временам. На это я отвечу: мы живем в организованном социалистическом обществе, где интересы личности согласуются с интересами общества, не находятся в противоречии с ними.

Политика партии выражает интересы всего общества в целом, следовательно, и каждой личности в отдельности, а политику партии проводит в жизнь Центральный Комитет, облеченный доверием партии, избранный по ее полномочию партийным съездом. **(Бурные аплодисменты).**

В вопросах художественного творчества Центральный Комитет партии будет добиваться от всех — и от самого заслуженного, и самого известного деятеля литературы и искусства, и молодого, начинающего творческого работника — неуклонного проведения партийной линии.

За последнее время в литературно-художественных журналах напечатано, а также выпущено в свет издательствами немало произведений о жизни советского общества в период культа личности и в наши дни. Стремление писателей разобраться в трудных и сложных явлениях прошлого вполне закономерно. Известно, что Центральный Комитет партии поддержал ряд произведений самого острого критического характера.

Но надо сказать, что появляются и такие книги, в которых, по нашему мнению, дается по меньшей мере неточное, а вернее сказать, неправильное, одностороннее освещение явлений и событий, связанных с куль-

том личности, и существа тех принципиальных, коренных изменений, которые произошли и происходят в общественной, политической и духовной жизни народа после XX съезда партии. К числу таких книг я бы отнес повесть тов. Эренбурга «Оттепель».

С понятием оттепели связано представление о времени неустойчивости, непостоянства, незавершенности, температурных колебаний в природе, когда трудно предвидеть, как и в каком направлении будет складываться погода. Посредством такого литературного образа нельзя составить правильного мнения о существе тех принципиальных изменений, которые произошли после смерти Сталина в общественной, политической, производственной и духовной жизни советского общества.

Перед нашим народом открылась ясная, светлая перспектива коммунистического завтра. Сознание того, что уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме, наполняет сердца советских людей чувством гордости за свою страну, вдохновляет их на трудовые подвиги во имя коммунизма. Теперь все в нашей стране свободно дышат, с доверием, без подозрительности относятся друг к другу, спокойны за свое настоящее и будущее, которое гарантируется им всем строем жизни.

Ликвидировав последствия культа личности Сталина, Коммунистическая партия устранила все препятствия, связывавшие инициативу и активность трудящихся, и создала самые благоприятные условия для развития творческих сил народа.

Наступил новый период в жизни партии и народа. Преодолевая вредные последствия культа личности, партия вела и ведет решительный курс на восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни, на дальнейшее развитие социалистической демократии и мобилизацию всех сил на развернутое строительство коммунизма. (**Продолжительные аплодисменты**).

Но это вовсе не означает, что теперь после осуждения культа личности наступила пора самотека, что будто бы ослаблены бразды правления, общественный корабль плывет по воле волн и каждый может своевольничать, вести себя как ему заблагорассудится. Нет. Партия проводит и будет последовательно и твердо проводить выработанный ею ленинский курс, непримиримо выступая против любых идейных шатаний и попыток нарушить нормы жизни нашего общества.

Хотелось затронуть еще один вопрос, связанный с освещением в литературе периода культа личности. Рассказывают, что в журналы и издательства происходит наплыв рукописей о жизни людей в ссылке, в тюрьмах, в лагерях.

Повторяю еще раз, что это очень опасная тема и трудный материал. Чем меньше у человека ответственности за наш сегодняшний день и будущее нашей страны и партии, тем с большей легкостью бросаются на этот материал любители сенсаций, любители «жареного».

Возгласы: Правильно! (Аплодисменты).

Вы сочините сенсацию, дадите это «жареное», а кто набросится на него? На такое «жареное», как на падаль, мухи набросятся, огромные жирные мухи, поползет всякая буржуазная нечисть из-за рубежа.

Тот, кто хочет услаждать наших врагов, может им легко услужить. Тот, кто хочет служить делу нашего народа, делу нашей партии,— он возьмет такую тему, посмотрит, взвесит ее и если чувствует силу, что с этим материалом справится, напишет нужное народу произведение, так подаст материал, что он будет укреплять силы народа, помогать нашей партии сплачивать народ и ускорять его шаг к великой цели. Но не каждому дано справиться с такой задачей, хотя, видимо, и многие рвутся к этому материалу.

Здесь нужна мера. Если бы все писатели стали писать только на эти темы, что это была бы за литература!

В Центральном Комитете партии поступают письма, в которых высказывается беспокойство по поводу того, что в иных произведениях в извращенном виде изображается положение евреев в нашей стране. В буржуазной печати, как вы знаете из обмена письмами между английским философом Расселом и мною, ведется даже клеветническая кампания против нас.

В декабре на нашей встрече мы уже касались этого вопроса в связи со стихотворением поэта Евушенко «Бабий Яр». Обстоятельства требуют, чтобы мы вернулись к этому вопросу.

За что критикуется это стихотворение? За то, что его автор не сумел правдиво показать и осудить фашистских, именно фашистских преступников за совершенные ими массовые убийства в «Бабьем Яру». В стихотворении дело изображено так, что жертвами фашистских злодеяний было только еврейское население, в то время как от рук гитлеровских палачей там погибло немало русских, украинцев и советских людей других национальностей. Из этого стихотворения видно, что автор его не проявил политическую зрелость и обнаружил незнание исторических фактов.

Кому и зачем потребовалось представлять дело таким образом, что будто бы население еврейской национальности в нашей стране кем-то ущемляется. Это неправда. Со дня Октябрьской революции в нашей стране евреи во всех отношениях находятся в равном положении со всеми другими народами СССР. У нас не существует еврейского вопроса, а те, кто выдумывает его, поют с чужого голоса.

Что касается русского рабочего класса, то он и до революции был непримиримым врагом всякого национального угнетения, в том числе и антисемитизма.

В дореволюционное время я жил среди шахтеров. Рабочие клеймили тех, кто участвовал в еврейских погромах. Вдохновителями погромов были самодержавное правительство, капиталисты, помещики и буржуазия. Им нужны были погромы как средство отвлечения трудящихся от революционной борьбы. Организаторами погромов были полиция, жандармерия, черносотенцы, вербовавшие громил среди подонков общества, деклассированных элементов. В городах их агентурой были многие дворники.

Вот, например, известного революционера-большевика тов. Баумана, который не был евреем, убил в Москве дворник по заданию жандармерии.

В замечательной повести Горького «Мать» превосходно показан интернационализм рабочего класса России. В рядах рабочих-революционеров находятся представители различных национальностей. Вспомните хотя бы русского рабочего Павла Власова и украинца Андрея Находку.

Мое детство и юность прошли в Юзовке, в которой проживало тогда много евреев. На заводе некоторое время я работал помощником слесаря Якова Исааковича Кутикова. Он был квалифицированным рабочим. Среди рабочих завода были и другие евреи. Помню, что литейщиком медного литья работал еврей, а это считалось тогда очень высокой квалификацией. Я часто видел этого литейщика, он, видимо, был человеком религиозным и по субботам не работал, но так как все украинцы, русские и другие работали, то и он приходил в литейную и проводил там весь день, хотя в работе не принимал участия.

На заводе работали русские, украинцы, евреи, поляки, латыши, эстонцы и другие. Никто даже не знал иной раз, какой национальности

тот или другой рабочий. Среди рабочих всех национальностей отношения были товарищеские.

Вот это и есть классовое единство, пролетарский интернационализм.

Когда я был в Соединенных Штатах Америки и ехал в машине в Лос-Анжелос, к нам сел, как он представился, заместитель мэра города. Он говорил по-русски, не так чисто, но довольно свободно. Я посмотрел на него и спросил:

— Откуда Вы знаете русский язык?

— А как же, я в Ростове жил, мой отец был купцом второй гильдии.

Такие и в Петербурге жили, и везде, где хотели.

Вот видите, оказывается, еврей Кутиков, с которым я работал на заводе, не мог в царское время проживать там, где он хотел бы, а вот такой еврей, как отец заместителя мэра города Лос-Анжелоса, мог жить, где он хотел.

Так царское правительство рассматривало национальный вопрос; оно тоже подходило к нему с классовой точки зрения. И поэтому евреи — крупные торговцы, капиталисты имели право жить везде, а вот еврейская беднота — она разделяла одинаковую участь с русскими, украинскими и другими рабочими; они должны были трудиться, жить в лачугах и нести бремя подневольного труда, как и все народы царской России.

Разные люди вели себя по-разному и в период Отечественной войны против фашистских захватчиков. В те дни было немало проявлено героизма, в том числе и евреями. Заслуженным из них присвоено звание Героя Советского Союза, многие были награждены орденами и медалями. Назову для примера Героя Советского Союза генерала Крейзера. Он был заместителем командующего второй гвардейской армией во время великой битвы на Волге, участвовал в боях за освобождение Донбасса и Крыма. Теперь генерал Крейзер является командующим войсками на Дальнем Востоке.

Были и случаи предательства со стороны людей разных национальностей. Могу привести вам такой факт. Когда была окружена группировка Паулюса и потом разгромлена, — в пленении штаба Паулюса принимала участие 64-я армия, которой командовал генерал Шумилов, а членом Военного Совета был генерал З. Т. Сердюк. Он позволил мне и говорит, что среди пленных, захваченных со штабом Паулюса, оказался бывший инструктор Киевского городского комитета комсомола Коган. Спрашиваю:

— Как он мог попасть туда, вы не ошиблись?

— Нет не ошибся, — говорит тов. Сердюк. — Этот Коган был переводчиком при штабе Паулюса.

В пленении Паулюса участвовала механизированная бригада, командиром которой был полковник Бурмаков, а комиссаром этой бригады — тов. Винокур, еврей по национальности. Винокура я знал еще с 1931 года, когда работал секретарем Бауманского райкома партии Москвы, а он был секретарем партийной ячейки на масло-молочном заводе.

Пслучается так: один еврей — служит переводчиком при штабе Паулюса, а другой еврей в составе наших войск участвует в пленении Паулюса и его переводчика.

Поступки людей оцениваются не с национальной, а с классовой точки зрения.

Не в интересах нашего дела выискивать в мусорных ямах прошлого примеры разногласий между трудящимися различных национальностей. Не на них лежит ответственность за разжигание национальной вражды

и за национальное угнетение. Это — дело рук эксплуататорских классов. А что касается предателей интересов революции, то наемные слуги царизма, помещиков и буржуазии вербовали их всюду и находили продажные души среди людей разных национальностей.

Нелепо приписывать русскому народу вину за грязные провокации черносотенцев, но также нелепо было бы возлагать ответственность на весь еврейский народ за национализм и сионизм «Бунда», за провокаторство Азефа и Житомирского («Отцова»), за различные еврейские организации, связанные в свое время с «зубатовцами» и царской охранкой.

Наша ленинская партия последовательно проводит политику дружбы между всеми народами, воспитывает советских людей в духе интернационализма, непримиримости ко всем и всяческим проявлениям расовой дискриминации, национальной розни. Высокие и благородные идеалы интернационализма, братства народов утверждает наше искусство.

Важный вопрос — поездка наших творческих работников в зарубежные страны. Центральный Комитет партии придает таким поездкам большое значение. Надо, чтобы советские писатели могли своими глазами видеть жизнь народов разных стран, чтобы они создавали произведения о жизни и борьбе трудящихся, против империализма и колониализма, за мир, свободу и счастье народов. Произведения советской литературы и искусства, проникнутые духом интернационализма, правдиво освещают жизнь и борьбу народов социалистических стран.

Однако бывают такие случаи, когда поездки литераторов в зарубежные страны не только не приносят пользы, но и оборачиваются против интересов нашей страны.

Знакомишься с материалами о выступлениях некоторых советских писателей за границей и не можешь понять, чем они озабочены, то ли тем, чтобы рассказать правду об успехах советского народа, то ли тем, чтобы понравиться зарубежной буржуазной публике во что бы то ни стало. Такие «туристы» раздают направо и налево свои интервью различным буржуазным, в том числе и самым реакционным, газетам, журналам и информационным агентствам, в которых с поразительной безответственностью распространяют небылицы о жизни в родной стране.

Неприятное впечатление оставила поездка писателей В. Некрасова, К. Паустовского и А. Вознесенского во Францию. Неосмотрителен был в своих заявлениях В. Катаев во время поездки по Америке.

Польстят за границей нестойкому человеку, назовут его «символом новой эпохи» или еще как-нибудь в этом духе, он и забудет, откуда, куда и зачем приехал, и начнет плести несусрезности.

Совсем недавно поэт Евгений Евтушенко совершил поездку в Западную Германию и во Францию. Он только что вернулся из Парижа, где выступал перед многотысячными аудиториями рабочих, студентов, друзей Советского Союза. Тов. Евтушенко, надо отдать ему должное, во время этой поездки вел себя достойно. Но и он, если верить журналу «Леттр Франсэз», тоже не удержался от соблазна заслужить похвалу буржуазной публики.

Поэт странным образом информировал своих слушателей об отношении у нас в стране к его стихотворению «Бабий Яр», сообщив им, что его стихотворение принято народом, а критиковали его догматики. Но ведь широко знают, что стихотворение тов. Евтушенко критиковали коммунисты. Как же можно забывать об этом и не делать для себя выводов?

Буржуазная печать нередко хвалит иных наших работников искусства за то, что они не пытаются, как утверждает эта печать, «прикрываясь огнем диалектических трюков, переходить в отступление», когда их наблюдения не соответствуют «партийной доктрине».

Обидна такая похвала для советского человека. Владимир Ильич Ленин любил приводить прекрасные слова поэта Некрасова:

Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Это написал товарищ Некрасов, но не этот Некрасов, а тот Некрасов, которого все знают. (Смех в зале. Аплодисменты).

Всем необходимо понимать время, в которое мы живем. Социализм победил полностью и окончательно в нашей стране. Теперь границы социализма раздвинуты широко. Армия строителей социализма и коммунизма насчитывает в своих рядах больше миллиарда людей. А на земном шаре проживает более трех миллиардов.

Если наши силы растут, то и враг не дремлет. Он в страхе перед растущей силой социализма злобно точит свое оружие против страп социализма, для войны, которую он готовит. Враги коммунизма возлагают надежды на идеологические диверсии в социалистических странах. Всегда помните об этом, товарищи, и свое оружие держите в полной исправности, готовым к боям. (Продолжительные аплодисменты).

* * *

Товарищи! Мы с вами обсудили большой круг важных для нашего государства, для идеологической работы партии вопросов. В том, что мы с вами встречаемся в товарищеской среде, сообща обсуждаем волнующие нас всех проблемы — есть выражение новой обстановки, которая сложилась у нас в стране в последние годы.

Народ и партия глубоко заинтересованы в том, чтобы художественное творчество развивалось у нас в правильном направлении. Линия развития литературы и искусства определена Программой партии, которая обсуждалась всенародно и получила всеобщую поддержку и одобрение рабочих, колхозников, интеллигенции.

А как лучше и правильнее претворить эту линию в художественном творчестве, решает каждый из вас в соответствии с пониманием своего долга перед народом и особенностями своего таланта, своей художественной индивидуальности.

Встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, критика недостатков, взаимное определение новых задач, которые выдвигаются жизнью, откровенные беседы, которые происходят во время этих встреч,— все это показывает, что мы с вами единомысленны в оценке успехов и недостатков литературы и искусства. Думаю, что и сегодняшний обмен мнениями будет иметь важное значение для дальнейшего развития литературы и искусства. (Продолжительные аплодисменты).

Мы призываем деятелей советской литературы и искусства, верных помощников партии, еще теснее сплотить свои ряды и под руководством ленинского Центрального Комитета направить свои усилия на завоевание новых успехов в строительстве коммунизма. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА ЛЬВА ТОЛСТОГО

Эти неопубликованные письма великого писателя обнаружены мною совершенно случайно.

Подготавливая к печати отдельное издание моих воспоминаний «На чужбине», я во избежание неточностей просмотрел еще раз составленное моим покойным отцом Д. Н. Любимовым обширное «Собрание автографов и портретов государственных и общественных деятелей». Об этой коллекции я уже писал на страницах «Нового мира» (№ 2, 1957). В основу ее лег архив моего деда профессора физики Московского университета Николая Алексеевича Любимова (1830—1897), редактировавшего издававшийся М. Катковым журнал «Русский вестник», где печатались многие виднейшие писатели того времени. Отец мой пополнил коллекцию из своего архива, а также документами, приобретенными путем обмена. Покидая родину в 1919 году, отец оставил собрание на хранение в Академии наук. Ныне оно находится (в том самом виде, как оно было составлено отцом) в рукописном отделе Пушкинского дома в Ленинграде (фонд 160).

В том, что касается русской литературы XIX века, это собрание включает письма, рукописи, корректуры Гоголя, Жуковского, Льва Толстого, Достоевского, Тургенева, Островского, А. К. Толстого, Аксаковых, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Мельникова-Печерского, Григоровича, Майкова, Полонского, Апухтина, Чехова. Многие имеющиеся в нем документы (в частности, все тридцать четыре письма Достоевского) ныне опубликованы.

Просматривая четыре альбома, из которых состоит собрание, я заинтересовался письмом Л. Толстого к моему деду с пометкой рукой отца: «Письмо гр. Л. Н. Толстого к Н. А. Любимову (от 17 дек. 1896 г.) по

поводу получения книги «История физики».

В полном собрании сочинений Л. Толстого (Юбилейное издание) помещены все его письма, где-либо обнаруженные (составители издания обращались в государственные хранилища и к частным лицам, у которых они могли бы оказаться, причем не только в СССР, но и во всем мире). А те письма Толстого, которые были обнаружены уже после выхода в свет заключительного тома Юбилейного издания, вошли в публикацию «Литературного наследства» (т. 69, кн. 1).

Но, оказывается, ни одно из четырех писем Л. Толстого, хранящихся в собрании Д. Н. Любимова в Пушкинском доме, не было до сих пор опубликовано.

Единственная ссылка на переписку Толстого с моим дедом имеется в шестьдесят втором томе Юбилейного издания. В письме Каткову от октября 1875 года Толстой пишет: «Я пользуюсь случаем повторить то, что писал Любимову». А в примечании указано, что это письмо к Любимову неизвестно.

Из обнаруженных мною таким образом неопубликованных писем Толстого три адресованы моему деду и одно Каткову. Как явствует из сопоставления дат и из текста, одно из писем деду (по поводу печатания в «Русском вестнике» «Анны Карениной») и есть то самое, которое обозначено в Юбилейном издании как неизвестное.

Все четыре письма — автографы.

В письме Толстого по поводу книги «История физики» речь идет о трехтомном труде Н. А. Любимова «История физики. Опыт изучения логики открытий в их истории» (часть I, СПб, 1892; часть II, СПб, 1894; часть III, СПб, 1896). Все три тома сохранились в библиотеке Льва Толстого в Ясной Поляне. Привожу отзыв советского ученого профессора З. А. Цейтлина об этой работе: «Любимову, как известно, принадлежит единственная на русском языке оригинальная обширная «История физики», основанная на первоисточниках. При всех недостатках этого труда он во многом выше некоторых западноевропейских сочинений того же рода» («Очерки по истории физики в России», Учпедгиз, 1949, стр. 76).

Л. Любимов.

Милостивый Государь Николай Алексеевич.

Посылаю поправленные корректуры. Они не могут составить отдела для 3-й книжки. К ним нужно прибавить еще гранки две — прощание Кутузова с Багратионом, которые и прошу покорно потрудиться прислать [поскорее]. Сражение составит 3-й отдел. Во всяком случае прошу вас покорно распорядиться присылкою ко мне рукописи. — Рукопись мне особенно необходима для последующего — весьма запутанного.

В № газеты присылать несколько рискованно, так как часто случается, что мне приносят чужие №-а и обратно.

Будьте так добры, не забудьте прислать рукопись, она мне необходима.

С совершенным почтением. Имею честь быть покорный слуга.

Гр. Л. Толстой.

18 марта [1866 г. Ясная Поляна].

Первое публикуемое письмо Л. Н. Толстого к Н. А. Любимову относится ко времени печатания в «Русском вестнике» первой и второй частей «Войны и мира». Они опубликованы в № 1—2 за 1865 год и № 2—4 за 1866 год под заглавием «1805 год». Именно с Н. А. Любимовым Толстой вел переговоры об условиях печатания. Любимову же 27 ноября 1864 года была передана рукопись, содержащая почти всю первую часть романа; и когда Любимов «пones рукописи», Толстому «стало грустно» оттого, что «нельзя больше переправлять». Известно, что и в начале декабря Толстой встречался с Любимовым, уточнял деловые вопросы печатания. Письмо же Толстого к Любимову не было известно.

Документов о ходе публикации «1805 года» очень мало. Корректур журнальной публикации в архиве Толстого нет. Поэтому каждое новое свидетельство представляет немалый интерес.

В третьей книжке «Русского вестника» за 1866 год, о которой пишет Толстой, печатались главы IX—XIII (по последним изданиям) второй части, то есть текст от описания боя под Кремсом до отправления Багратнона в Голлабрун; содержание этой последней главы Толстой называет в письме «прощание Кутузова с Багратноном». Третья книжка вышла 14 апреля 1866 года. На этом основании датируется письмо.

2

Милостивый Государь Николай Алексеевич!

Получив ваше письмо, я хотел тотчас же отвечать. Самый простой и для меня приятный ответ состоял бы в том, чтобы прислать в Редакцию рукопись; но вот уже 3-ю неделю бьюсь и не могу попасть в прежнюю колею работы.

Я могу повторить только то, что я говорил, что я желаю продолжать печатание в Русском Вестнике и как можно скорее, но что я не обещал и не обещаю этого и ни к какому сроку. Сколько мне помнится (у меня нет печатных листов Р. В.), напечатанное не составляет 20 листов, и я еще в долгу у Редакции.— Если бы другая работа, нездоровье или просто решение печатать отдельно помешали бы мне печатать в Рус[ском] Вестн[ике] в нынешнем году, то я извещу об этом Редакцию и заплачу то, что должен. Теперь же я только одного желаю, поскорее окончить те главы, которые меня задерживают, и прислать рукопись.

С истинным уважением имею честь быть Ваш покорный слуга.

Граф Л. Толстой.

12 сентября [1875 г. Ясная Поляна].

Следующее письмо, также до сего времени оставшееся неизвестным, написано через девять лет, когда в том же журнале печаталась «Анна Каренина».

По договоренности с М. Н. Катковым (ноябрь 1874 года), Толстой должен был передать в «Русский вестник» первые двадцать листов «Анны Карениной», оставив за собою право печатать окончание романа в следующем году либо отдельным изданием, либо в том же журнале. В первых четырех книжках за 1875 год напечатаны первая, вторая и десять глав третьей части. С осени 1875 года Толстой работал над третьей частью романа и неоднократно в письмах к близким сетовал на то, что «не берет». Очевидно, длительный перерыв в присылке продолжения романа вызвал в редакции тревогу, будет ли Толстой продолжать печатание романа в «Русском вестнике».

С января 1876 года возобновилось в «Русском вестнике» печатание «Анны Карениной». Третья—седьмая части печатались с перерывами в 1876—1877 годах. Из-за идейных расхождений Толстого с Катковым восьмая часть «Анны Карениной» не печаталась в журнале, а вышла отдельным изданием в 1877 году.

3

[1876 г. апреля середина.]

Многоуважаемый Михаил Никифорович!

Посылаю просмотренные и исправленные корректуры. Оттого ли, что меня искушала свобода марать в гранках, или что я был так расположен, или, что вернее всего, оттого, что многое было не отделано и нехорошо, я многое перемарал. Боюсь, что в типографии перевернут многое. Будьте так добры, прикажите повнимательнее просмотреть корректуры. Как вам это не должно было уже наскучить, я не могу удержаться от того, чтобы не благодарить вас за то, что вы сами держите эти корректуры.

Весь ваш Л. Толстой.

К тому же периоду журнальной публикации «Анны Карениной» относится письмо к М. Н. Каткову. Известно четырнадцать писем Толстого к Каткову за семидесятые годы. Впервые публикуемое пятнадцатое дополняет эту серию. Корректуры «Анны Карениной» держал сам Катков, что Толстой неоднократно с благодарностью отмечал в письмах к нему. Можно предположить, что речь идет о корректурах для апрельской книжки «Русского вестника» за 1876 год: Толстой пишет о своей работе в таком же тоне, как и в письме к Н. Н. Страхову от 8—9 апреля 1876 года: «Мне противно то, что я написал, и теперь у меня лежат корректуры на апрельскую книжку, и боюсь, что не буду в силах поправить их. Все в них скверно, и все надо переделывать и переделывать: все, что напечатано, и все перемарать».

Апрельская книжка «Русского вестника», содержащая главы VII—XIX пятой части «Анны Карениной», вышла 30 апреля 1876 года. На этом основании датируется письмо.

4

17 декабря 1896, Москва.

Уважаемый Николай Алексеевич.

Очень благодарен за присылку мне вашего прекрасного труда, я говорю прекрасного, п[отому] ч[то] слегка заглянул в него и знаю по прежним вашим сочинениям ваше мастерство ясного и точного изложения. Предмет же вашей книги самый интересный в области вашей науки, п[отому] ч[то] история науки есть сама наука plus история деятельности ума человечества в известном направлении. С соображениями же вашими о том, что цель жизни человечества есть расширение знания со всеми вытекающими из него (практическими, как, я полагаю, вы разумеете)¹, я никак не могу согласиться. Физические знания, в особенности если для приобретения их не требуется затраты лучших сил своей и чужих жизней, составляют безвредное, приятное и могущее быть полезным занятие, но цель жизни заключается, по моему мнению, не в расширении этих знаний, а в нравственном совершенствовании, индивидуальном и общественном, в установлении Царства Божия и в своем сердце и на земле. Расширение же знаний и вытекающие из них последствия совершенно независимы от нравствен[ного] совершенствования и нравств[енное] совершенствование от физических знаний; они могут совпадать, но могут и быть в противоречии друг с другом.

Вы вызываете меня на высказывание моего мнения о значении физических и вообще естественных наук, и потому я позволю себе высказать его. Мне кажется, что никакая отдельная наука, ни наука вообще не должна предъявлять своих прав на высшее и исключительное значение; что такое предъявление прав в высшей степени не научно, п[отому] ч[то] не имеет никаких оснований, кроме желания людей, занимающихся науками, думать, что они занимаются самым важным на свете делом

¹ Очевидно, пропущено слово «последствиями».

и что поэтому они свободны от требований, предъявляемых действительно высшим делом жизни, исполнением воли Бога — религией. Помоему, наука для того, чтобы законно занимать подобающее ей и достойно уважения место, должна помнить, что она есть безразличное занятие, вроде всякого ремесла (хотя одно из самых утонченных ремесел), которое само в себе не представляет никакого достоинства и может быть употреблено на пользу и на вред и тогда оно есть хорошее препровождение времени, как и всякий труд. Но как только наука заявляет права на высшее значение, становится на то место, на котором может стоять только нравственность, как это часто делается в последнее время и как вы это высказываете в вашем письме, так она становится уже не хорошее, а очень вредное препровождение времени. — Повторяя свою благодарность за присылку книги и доброе письмо ваше, остаюсь

с истинным уважением Лев Толстой.

Последнее письмо к Н. А. Любимову не связано с журналом «Русский вестник»; оно представляет самостоятельный интерес — в нем затронуто отношение Толстого к физике и к науке вообще.

Точные науки, в том числе физика, более других областей интересовали Толстого. В шестидесятые годы Толстой преподавал физику в своей яснополянской школе для крестьянских детей.

В библиотеке Толстого сохранились руководства по физике и учебники, которые он изучал в то время, некоторые из них содержат различные записи и пометы Толстого. В семидесятые годы Толстой был поглощен работой над учебной книгой, создавалась его «Азбука», для которой ему были «нужны все естественные науки, астрономия, физика». Работа над «Азбукой» явилась побудительной причиной для углубленного изучения физики в объеме, далеко превосходящем потребности начальной школы. Записные книжки Толстого за январь—март 1872 года в большой части посвящены физике. Имеющиеся в них ссылки на работы Джоуля и Тиндаля, а также заметки, относящиеся к новым в то время открытиям, как, например, разложение спектра на тепловые, световые и ультрафиолетовые лучи, упоминания о законах излучения, о законе пропорциональности теплопроводности и электропроводности, — убеждают в том, что Толстой был знаком с достижениями современной ему физики. Имея же, по его собственному признанию, «дерзость обсуживать все явления и ничего не принимать за слово», Толстой углублялся в сущность различных проблем физической науки. Для «Азбуки» Толстой написал свыше тридцати рассказов, или «статей», как он их называл, по физике: о тепле, о сырости, о магнетизме, о кристаллах и другие; все они в самом лучшем смысле научно-популярные рассказы: они дают точные сведения, написаны ясно, просто и занимательно.

Имеются свидетельства, что и в последующие годы Толстой интересовался достижениями физики. В 1896 году он присутствовал на лекции профессора П. В. Преображенского «Различные опыты с рентгеновскими невидимыми лучами». А в 1898 году П. В. Преображенский в доме Толстых в Москве читал лекцию о световых и цветовых иллюзиях. В начале 1900 года Толстого заинтересовал вопрос о жидком воздухе, и физик А. В. Цингер показывал в доме Толстого опыты с жидким воздухом, по просьбе Толстого объяснял различные подробности. Толстой, «оживленный, внимательный», следил за всеми явлениями, и все ему было, как он говорил, любопытно. Рассказывая о скрытой теплоте, А. В. Цингер вспомнил, что впервые он «начал понимать «скрытую теплоту» по толстовским «Книгам для чтения».

Известно, что в силу религиозного мировоззрения Толстого его взгляды на науку были противоречивы, что и отразилось, в частности, в публикуемом письме. Однако в его суждениях о роли науки в обществе есть много важного и ценного.

Изучению точных наук, в том числе, разумеется, физики, Толстой всегда придавал первостепенное значение, относил их к роду «настоящих наук», которые «доступны всем людям и удовлетворяют критерию братства людей». Не раз Толстой высказывал убеждение, что «науки и искусства (по образному выражению Толстого, «наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце». — Э. З.) — это то, что двигает людей вперед, дает им возможность бесконечного развития». Он заявлял: «Я не только не враг науки и искусства, но считаю, что науки и искусства составляют самую важную человеческую деятельность, без которой человек был бы животным, а не человеком».

Но Толстой не мог признать за наукой права оставаться «наукой для науки», так же точно, как он осуждал теорию искусства для искусства. Он считал, что дело науки служить людям, причем всем людям, а не привилегированному классам, и «для того, чтобы признать известные знания важными», необходимо «показать, что знания эти, называемые наукой, действительно важны, т. е. нужны для блага человечества».

В ту именно пору, когда Толстой напряженно работал над изложением своих взглядов на значение науки и искусства, он получил книгу Н. А. Любимова «История физики» и обширное письмо автора, в котором он, изложив свой взгляд на значение науки, полемизировал с взглядами Толстого. Он писал, что «бесконечное расширение знания, со всеми его преобразующими мир последствиями, есть истинная задача земного бытия... В знании центр, цель, смысл нашего пребывания на пылинке, именуемой Землей. Все мечтания относительно человеческих обществ и их устройства, все будущие утопии и новые Атлантиды в этой идее должны иметь свой исходный пункт... История науки дает нам в руки яркий факел, освещающий на этом пути. При таком значении науки, она, думается мне, должна обретаться в большем авантаже, чем в каком обретается в Ваших философских соображениях» (письмо Н. А. Любимова от 26 ноября 1896 года хранится в Музее Толстого в Москве).

На это письмо и отвечает Толстой.

Примечания Э. Зайденшнур.

ЗАБЫТОЕ ИНТЕРВЬЮ С ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

Сравнительно недавно на русском языке были опубликованы отрывки из писем Романа Роллана другу семьи Герцена Мальвиль фон Мейзенбург. В письме от 2 июля 1890 года Роман Роллан писал, между прочим: «...Читали ли вы интервью с Толстым относительно Вильгельма II и Бисмарка? Толстой не без сочувствия смотрит на реформы, предпринятые императором, но Бисмарка презирает от всего сердца». Приведя далее слова Толстого о Бисмарке, Р. Роллан с иронией замечает: «Наполеону I в «Воине и мире» досталось несколько меньше. Ему была оставлена по крайней мере видимость величия» («Дружба народов», № 11, 1960, стр. 241).

Что же это за интервью с Толстым, в свое время так заинтересовавшее Р. Роллана, а ныне совершенно забытое и оставленное без внимания комментаторами и биографами писателя?

Как удалось установить, во французских газетах был перепечатан текст интервью, опубликованного суворинским «Новым временем» 7 (19) июня 1890 года (№ 5125). Личность интервьюера — автора статьи «В Ясной Поляне» — достаточно хорошо известна. Это беллетрист и журналист Александр Николаевич Молчанов (1847 — ?) — бойкий и довольно популярный корреспондент «Нового времени».

Нельзя сказать, чтобы его посещение доставило большое удовольствие Толстому — он вообще старался избегать встреч с представителями столичной прессы, да к тому же в этот день находился в раздраженном, подавленном настроении. Во всяком случае в дневнике Толстого 1 июня 1890 года осталась такая запись: «Корреспондент Молчанов — пустой, и Тульский Баташев и доктор — еще пуще... Я очень не в духе» (т. 51, стр. 47).

Но как бы там ни было, несмотря на то, что Молчанов попал к Толстому не в добрый час и сам не возбудил в нем симпатии, его корреспонденция содержала ряд любопытных сообщений о писателе. Толстой говорил о своих ближайших литературных

планах, об ответственности таланта, о рабочем вопросе на Западе и т. д.

Язычительная характеристика Толстым Бисмарка как «гения-нахала» показывает, что ему не совсем чужда была политическая злоба дня. Что же касается более мягкого и благожелательного отношения к Вильгельму, то тут мы должны учесть позднейшую поправку Толстого. Беседа 2 августа 1905 года с венгерским журналистом Августом Шереньи, Толстой на его настойчивый вопрос, считает ли он императора Вильгельма гениальным человеком, без обиняков ответил: «Он большой дурак и очень наглый». Велико было презрение Толстого к идеологам прусской войны, политикам-дельцам.

Из других тем, затронутых Толстым в беседе с Молчановым, следует выделить разговор о неизвестном сюжете обширного романа, к мысли о котором Толстой не раз возвращался по крайней мере на протяжении пятнадцати лет. Следы этого замысла встречались в дневнике писателя, но до сих пор они не поддавались расшифровке.

Четырнадцатого сентября 1896 года Толстой отметил в дневнике два «прекрасных» сюжета, один из которых — «подмена ребенка в воспитательном доме». 13 декабря 1897 года в числе тринадцати сюжетов, которые «стоит и можно обработать, как должно», опять находим: «8) Подмененный ребенок». Еще через семь лет — 6 февраля 1905 года — среди двадцати восьми сюжетов записан сюжет «Кормилицы». Наконец 10 и 11 августа 1905 года вновь встречаются записи замысла «Подмененного ребенка». Комментаторы полного собрания сочинений Толстого (Юбилейное издание) затруднились определить, что тут имел в виду писатель. Ныне благодаря интервью Молчанова мы узнаем суть замысла, столь долго тревожившего творческое воображение Толстого.

Задуманный в 1890 году роман был бы, вероятно, написан Толстым, если бы не захвативший его вскоре замысел «Воскресения», в котором, кстати сказать, были использованы некоторые мотивы «Подмененного ребенка».

Статья А. Молчанова публикуется по тексту газеты «Новое время» с незначительными сокращениями.

В. Л.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Посетив вчера графа Л. Н. Толстого, я могу сообщить приятную весть: напугавшие всех жестокие приступы его старой болезни печени прошли и здоровье маститого писателя, видимо, поправляется... Косить, жать и вообще всякий утомительный физический труд ему запрещен строго-настрога, и достаточно взгляда на аскетическую фигуру Л. Н., чтобы полностью оправдать этот запрет. Но так как в этом больном теле дух жив и велик, то даже докторский режим не осмелился наложить veto на умственную работу графа. И граф пишет усердно: он уже кончил и отдал в печать «Послесловие к «Крейцеровой сонате». Самая соната, как объяснил он мне, написана им уже давно. «К сожалению,— прибавил он,— очень многие из моих произведений появляются у нас в литографиях, а за границей в переводе в таком искаженном виде, что я сам не узнаю своего труда... Эта «Соната», например, изданная на немецком языке, бог знает что такое... Пока только один английский перевод ее сделан Диллоном по точному оригиналу».

— Каким же образом уберечься от подобных фальсификаций,— спросил я,— когда вы сами не печатаете ваших произведений?

— В Москве есть мой приятель, Чертков,— вы не знаете его? — ответил Л. Н.,— он прекрасный библиофил... у него все подлинники моих произведений.

Затем граф также в последнее время написал предисловие к книге д-ра Алексеева о пьянстве. Этот труд передан им профессору Гольцеву и выйдет в свет отдельной книжкой. Читая рукопись г. Алексеева с богатым материалом и обдумывая предисловие к ней, граф — по его собственному выражению — увлекся и начал теперь обширный труд, пробуя дать первый ответ на вопрос: почему человечество начало употреблять наркозы — вино, водку, курение etc.— и где причина, что страсть к этому опьянению сохраняется так крепко и поныне во всех слоях общества всех стран?

— Не знаю,— прибавил он к рассказу об этой теме,— не знаю и сомневаюсь, можно ли будет напечатать этот труд. Впрочем,— заметил он как бы конфузясь,— я глубоко убежден, что и вредно и нехорошо, когда произведения печатаются при жизни их авторов.

— Отчего же, граф? — удивился я.

— Во-первых, когда произведения публикуются еще при жизни автора, он, когда пишет, не свободен, он непременно будет думать, что скажут о его труде, как его встретят и пр. и пр. Все это не хорошо, очень не хорошо... А потом пережить, знаете, свою славу — дело та...кое трудное, которое не всякому и удастся... Вот Николай Успенский... был, несомненно, талантливый человек, гораздо талантливее Глеба — не вынес этой тяжести... Начали его хвалить, приглашать, голова закружилась, стал невнимателен к труду, все отвернулись, и человек погиб... Даже Тургенев, и тот не вполне совладал с этим крестом... Начинается баловство, хочется опять выходить на сцену, пишут просто для того, чтобы снова слышать рукоплескания... Нет, я решительно убежден, что все произведения должны появляться в свет только после смерти их авторов...

Слушая это, в моей голове было готово много возражений против такой идеи графа, но, с одной стороны, его болезненное состояние, с другой — естественное желание слушать его речи как в этом случае, так и в последующих беседах удерживали меня от продолжительных возражений.

А беседа наша была долгая: почти три часа мы провели в ней, сидя на террасе, в саду, и гуляя по тенистым аллеям яснополянского парка. «Я разошелся»,— говорил мне граф, улыбаясь, и с той искренностью и простотой, которые суть знамена больших людей, высказывал мне свои мысли общие и в частности относящиеся лично к моей деятельности.

— Как жаль,— говорил граф,— что вы живете литературным трудом. Получать деньги за него — вещь не... не подходящая. Не следовало бы... Надо бы как-нибудь иначе устраиваться, чтобы писания свои не продавать...

Я, кроме объяснений реального свойства, сказал Л. Н., что труд журналиста имеет крупные особенности — мы, руководствуясь действительной жизнью и вопросами дня, чувствуем себя более свободными от гнета авторского самолюбия — искренне и ясно

сообщить читателю мои сегодняшние впечатления и думы с верой, что правдивость такого сообщения всегда приносит пользу,— вот почти единственный стимул и мотив нашего труда.

— Да,— ответил граф,— вы действительно правы, что ваши условия труда, как более непосредственные, и более свободны. Мне это интересно... Я давно уже задумал написать сочинение об искусстве и о разных видах его... Яблоко упало — и пришла идея о притяжении земли... Человеку нова эта идея, он бросается к людям, спрашивает их — они отрицают; а он все-таки думает — земля притягивает. Бьется, пишет, находит доказательства и просто ради одного самоудовольнения пишет и публикует... Это выходит вполне искренне и полезно... Только тут необходимо, чтоб это было непременно ново для меня и мое собственное, тогда только оно может быть сделано свободно и искренне.

Говоря о крупных издательских фирмах России, Л. Н. выражал крайнее сожаление, что у нас до сих пор нет сжатого экстре из классиков всемирной литературы.

— Подобное издание было бы в высшей степени важно для самообразования русского общества,— говорил он.— Как можно не знать, что сказали, суть того, что сказали великие умы. Да, по-моему, даже средние и маленькие писатели не должны быть забыты в таком издании: даже у самых маленьких найдутся такие мысли, которые человечество не должно забывать. Я убежден, что подобное издание принесло бы у нас огромную пользу; у нас уже есть люди, которые могли бы сделать хорошее экстре, и просто удивительно, что до сих пор такое издание даже никем не задумано.

Тарелка бульона — единственное кушанье, составляющее весь обед графа,— не прерывала нашей беседы. Все вопросы дня и мира интересуют Л. Н. Таким образом, мы незаметно от литературных вопросов перешли и к политике. Темой к тому послужил разговор моего сотоварища с князем Бисмарком.

— Удивляюсь,— заметил граф, пожимая плечами,— к чему это он стал так пояснять свою прошлую политику... Просто не понимаю.

— А не напомнил он вам,— спросил я, смеясь,— отставного фельдфебеля, когда заговорил о рабочем движении?

— О, я никогда-никогда не признавал Бисмарка великим человеком,— с живостью возразил граф,— пришло историческое время для объединения немцев; в этот момент стояли во главе Вильгельм и Бисмарк, вот и будут повторять эти два имени... Я пережил интересную эпоху Наполеона III; его ведь тоже признавали гением. Все держатся известных привычек, известных приличий; вдруг среди их является нахал, ничего не признает, и при успехе его немедленно провозглашают великим... Так всегда делается, нередко и в частной жизни появляются такие же гении-нахалы...

— А как, граф, вы относитесь к затеям молодого Вильгельма? — спросил я.

— С большим интересом.

— И с симпатией?

— Да, и с симпатией... Я всегда доказывал, что у каждого времени есть своя забота. В этом состоит смысл истории и человеческого прогресса. В наше время была такой заботой крестьянская реформа, теперь на Западе на очереди рабочий вопрос. Игнорировать его — такая чепуха. Да, в сущности, это вовсе не рабочий вопрос, а гораздо больше — предстоят вполне очевидно крупнейшие экономические перемены. Жаль только, что молодой император не с того начинает. Ограничение, например, часов рабочего времени... Разве это возможно? У нас, например, в Московском округе, я знаю, запретили детям работать — пошли работать матери... Не то нужно, нужно, чтобы самому рабочему не было необходимости закабалить себя на четырнадцатичасовой труд или отдавать на фабрику детей. Без такого коренного дела все попытки исправить настоящее положение не дадут доброго результата.

После своего скромного обеда и долго тщетных уговоров графини и моих отпра- виться на обычный полуденный отдых, граф на прощанье сообщил мне в кратких словах тему, на которую он желал бы написать роман.

— Это факт — действительность и такая, какую ни за что не выдумаешь. Купеческая дочка заразилась революционизмом. Остриглась, начала курить и т. д. Явился у нее ребенок, богатые родители выгнали ее из дому, ей некогда было заниматься ребенком, и она отдала его в воспитательный дом. Одна кормилица этого дома полу-

чила этого ребенка к себе на дом, а ее собственный ребенок достался другой кормилице. В приемной она, однако, успела выменять ребенка — унесла домой своего, а нумер-то у нее был на купеческое дитя. Купчиха с супругом часто навещали этого ребенка, признавая его за своего, привозили лакомства, ласкали его и любили. Затем настоящее купеческое дитя умерло, а у купчихи все революционные идеи вылетели из головы вместе с дымом папиросок, она примирилась с родителями и стала опять богата. Незачем, значит, оставлять ребенка у кормилицы. Хочет взять его — кормилица не дает, предлагает деньги, крупные деньги — не берет... И вот совершился новый соломонов суд перед директором воспитательного дома — настоящий соломонов суд, и ребенок достается, конечно, настоящей матери его — кормилице...

А. Молчанов.

2 июня [1890 г.]
Село Селиваново.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 19—23 ноября 1962 года. Стенографический отчет. 607 стр. Цена 1 р. 15 к.

Н. С. Хрущев. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Том 5. Февраль 1961 года — октябрь 1961 года. 463 стр. Цена 60 к.

Н. С. Хрущев. Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы. 27 февраля 1963 года. 31 стр. Цена 4 к.

И. Латышев. Япония в дни политических бурь (Несколько страниц недавней истории). 64 стр. Цена 7 к.

А. Б. Лонечко. Воспитатель, учитель, боец [О А. С. Макаренкой]. 80 стр. Цена 9 к.

А. Марцинкявичюс. Самое важное. 56 стр. Цена 5 к.

Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1962 г. 424 стр. Цена 1 р.

Ответы верующим (Популярный справочник). 480 стр. Цена 42 к.

Партия большевиков в годы нового революционного подъема (1910—1914 годы). Документы и материалы. 536 стр. Цена 95 к.

В. А. Сухомлинский. Дума о человеке. 120 стр. Цена 13 к.

Пальмиро Тольятти. Жизнь и борьба Итальянской коммунистической партии. 80 стр. Цена 10 к.

Хрестоматия по истории КПСС. В трех томах. Том первый (1883 г.—февраль 1917 г.). 624 стр. Цена 1 р. 15 к. Том второй (март 1917 г.—1945 г.). 624 стр. Цена 1 р. Том третий (1945 г.—апрель 1962 г.). 804 стр. Цена 1 р. 30 к.

А. Шапошников. Цеховая партийная организация, партийная группа. 80 стр. Цена 8 к.

СОЦЭКГИЗ

В. Антонов. Русский друг Маркса. Герман Александрович Лопатин. 93 стр. Цена 14 к.
А. Ильин, В. Ильин. Рождение партии. 1883—1904. 280 стр. Цена 50 к.

Д. П. Прицнер. Подвиг испанской республики. 1936—1939. 447 стр. Цена 66 к.

Реальная заработная плата в период общего кризиса капитализма. 559 стр. Цена 1 р. 22 к.

В. А. Смирнова. Вильгельм Вольф — человек, которому Маркс посвятил «Капитал». 164 стр. Цена 18 к.

В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР, период империализма, конец XIX в.—1917 г. 603 стр. Цена 1 р.

Н. А. Трунин. Милитаризация ФРГ и политика социал-демократической партии. 178 стр. Цена 22 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Ю. Бондарев. Тишина. Роман. 307 стр. Цена 50 к.

А. Эрлих. Куда зовут ракеты. Повести и рассказы. 462 стр. Цена 77 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Братья Каудзит. Времена землемеров. Повесть. Перевод с латышского. 472 стр. Цена 79 к.

Д. Днафаров, М. Ф. Ахундов. Критико-биографический очерк. 207 стр. Цена 30 к.
Ду Фу. Стихотворения. Перевод с китайского. 276 стр. Цена 34 к.

Заря над Кубой. Стихи. Перевод с испанского. 256 стр. Цена 35 к.

Эм. Казаневич. При свете дня. Рассказ. 71 стр. Цена 7 к.

Стивен Ликок. Юмористические рассказы. Перевод с английского. 470 стр. Цена 1 р.

Е. Любарева. Поэма А. Твардовского «За далью — даль». 103 стр. Цена 15 к.

Андрей Малышко. Стихи и поэмы. Перевод с украинского. 566 стр. Цена 90 к.

Андрей Платонов. Рассказы. 255 стр. Цена 59 к.

Йенс Петер Якобсен. Фру Мария Груббе. Роман. Перевод с датского. 255 стр. Цена 54 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

А. Алексин. Необычайные похождения Севы Котлова. Повести. 224 стр. Цена 48 к.

В небе фронтовом. Воспоминания советских летчиц. 296 стр. Цена 79 к.

Олесь Гончар. Повести. Перевод с украинского. 352 стр. Цена 66 к.

В. Гравиншник. В суровом краю. Повести. 208 стр. Цена 52 к.

Андрей Деметьев. Дорога в завтра. Поэма. 63 стр. Цена 25 к.

Ю. Докучаев. Идущие к звездам. Очерки. 110 стр. Цена 18 к.

Касум Касум-заде. Весна на море. Стихи. Перевод с азербайджанского. 96 стр. Цена 29 к.

Б. Ляпунов, Н. Николаев. Сквозь тернии к звездам. 176 стр. Цена 54 к.

Г. Покровский, Ю. Моралевич. На передний край смелой мечты. 208 стр. Цена 49 к.

Польская молодежь и ее организации. Сборник статей. 80 стр. Цена 9 к.

С. Рухович. Крах двух мифов буржуазной пропаганды. 126 стр. Цена 14 к.

Ник. Томан. Именем закона. Повести. 224 стр. Цена 48 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Античный город. 192 стр. Цена 1 р. 24 к.

С. Великовский. Поэты французских революций 1789—1848 гг. 280 стр. Цена 36 к.

Акад. А. И. Воейков. Воздействие человека на природу. 252 стр. Цена 98 к.

Б. М. Кедров. Предмет и взаимосвязь естественных наук. 412 стр. Цена 1 р. 48 к.

Н. П. Комолова. Классовые бои в итальянской деревне 1945—1950 гг. 344 стр. Цена 1 р. 12 к.

Б. Г. Кузнецов. Эволюция основных идей электродинамики. 295 стр. Цена 78 к.

Г. Ф. Михеев. Изотопы экономят время и труд. 112 стр. Цена 17 к.

От классической физики к квантовой. Основные представления учения о строении материи. 71 стр. Цена 11 к.

Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. 724 стр. Цена 2 р. 61 к.
К. Пигарев. Жизнь и творчество Тютчева. 375 стр. Цена 1 р. 18 к.
Е. П. Подъяпольская. Восстание Булавина 1707—1709 гг. 216 стр. Цена 75 к.
Д. А. Сабинин. Физиология развития растений. 196 стр. Цена 1 р. 8 к.
Современная литература США. 228 стр. Цена 78 к.
М. Р. Тульчинский. Адвокаты реванша. Западнгерманский «остфоршунг» на службе бошской реваншистской политики. 120 стр. Цена 20 к.
А. И. Уёмов. Вещи, свойства и отношения. 184 стр. Цена 58 к.
Философские проблемы атеизма. 280 стр. Цена 1 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Б. Воронцов. Корея в планах США в годы второй мировой войны. 139 стр. Цена 45 к.
Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. Статьи и сообщения. 238 стр. Цена 1 р. 30 к.
Общественно-политическая и философская мысль Индии. Сборник статей. 262 стр. Цена 85 к.
Ф. И. Шабшина. Социалистическая Корея. 197 стр. Цена 60 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. Н. Айдит. Избранные произведения. Статьи и речи. Перевод с индонезийского. 783 стр. Цена 1 р. 57 к.
Франтишек Бегоуек. Трагедия в Ледовитом океане. Перевод с чешского. 296 стр. Цена 89 к.
Лучия Деметриус. Дуэль. Рассказы. Перевод с румынского. 414 стр. Цена 1 р. 24 к.
Далсидео Журандир. Парковая линия. Роман. Перевод с португальского. 574 стр. Цена 1 р. 68 к.
Эрих Кестнер. Маленькая свобода. Стихи. Перевод с немецкого. 139 стр. Цена 18 к.
Мечта о доме. Рассказы финских писателей. Перевод с финского. 229 стр. Цена 57 к.
Мартина Моно. Нормандия — Неман. Роман. Перевод с французского. 181 стр. Цена 45 к.
Тодор Монов. Смерти нет. Роман. Перевод с болгарского. 280 стр. Цена 72 к.
Новые явления в современной буржуазной политике. Перевод с немецкого. Том I. 444 стр. Цена 1 р. 84 к.
Артур Омре. Тепло в службу. Рассказы. Перевод с норвежского. 127 стр. Цена 33 к.
Пак Ун Голь. Отечество. Роман. Перевод с корейского. 247 стр. Цена 78 к.

Богумир Полах. Возвращение Иржи Скалы. Роман. Перевод с чешского. 192 стр. Цена 52 к.
Рассказы африканских писателей. Переводы. 264 стр. Цена 69 к.
Чарльз Сноу. Пора надежд. Роман. Перевод с английского. 391 стр. Цена 1 р. 21 к.
Андре Стилль. Воль. Рассказы. Перевод с французского. 127 стр. Цена 32 к.
Джудит Тодд. Большой обман. Печать, радио, кино, телевидение и реклама в Англии на службе монополий. Перевод с английского. 152 стр. Цена 29 к.
Улыбки друзей. Юмор и сатира. Сборник. 271 стр. Цена 94 к.
Вернер Эггерат. Катастрофа. Роман. Перевод с немецкого. 398 стр. Цена 1 р. 24 к.

СЕЛЬХОЗИЗДАТ

Я. В. Бичевой, В. Ф. Врана. Сочные корма — круглый год. 112 стр. Цена 14 к.
И. Ф. Гаркуша. Почвоведение. 448 стр. Цена 93 к.
Коллектив авторов. Биология и возделывание гречихи. 304 стр. Цена 98 к.
Коллектив авторов. Справочник картофеля. 336 стр. Цена 69 к.
Н. Н. Назаров. Геодезия. 424 стр. Цена 1 р. 36 к.
Новое в кормлении животных (Сборник переводов). 272 стр. Цена 82 к.
А. И. Панин. Овцеводство. 294 стр. Цена 50 к.
С. С. Сааян. Сельскохозяйственные машины. 328 стр. Цена 81 к.
С. И. Сметнев. Птицеводство. 336 стр. Цена 69 к.
В. И. Здельштейн. Овощеводство. 440 стр. Цена 1 р. 16 к.

БАШКНИГОИЗДАТ

Н. А. Шмелев. Равнение на знамя. Документальные рассказы. 132 стр. Цена 15 к.
И. Ф. Слободкин. Подснежники. Рассказы. 100 стр. Цена 15 к.
И. В. Сотников. Время не останавливается. Роман. 278 стр. Цена 57 к.

ГОСЛИТИЗДАТ УзССР

В. А. Александров. Ночной вокзал. Рассказы. 243 стр. Цена 36 к.
Эд. Арбенюв. Если встретите Бориса... Повесть. 143 стр. Цена 17 к.
Т. С. Есенина. Женя — чудо XX века. Юмористическая повесть. 275 стр. Цена 31 к.
А. Д. Недялков. В сантиметре от смерти. Повесть. 133 стр. Цена 37 к.
Б. С. Пармузин. Книга неожиданных дорог. Лирический дневник. 103 стр. Цена 27 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**

Редакционная коллегия:

Е. Н. Герасимов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора),
Б. Г. Закс (ответственный секретарь), **А. И. Кондратович** (зам. главного редактора), **В. Я. Лакшин, А. М. Марьямов, В. В. Овечкин, К. А. Федин**

Редакция: Москва, Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
 Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются.

Сдано в набор 25/1 1963 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 29/III 1963 г.
 Формат бумаги 70×108/16. 9 бум. л. — 24,66 печ. л. Тираж 107.650.
 А 0:955. Зак. 185

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

01 0450

Цена 70 коп.

Индекс
70636